

Н. Хрипков

Шли по улице девчонки

Повесть

12+

Николай Иванович Хрипков

Шли по улице девчонки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70512022

SelfPub; 2024

Аннотация

Повесть для детей и их родителей. Три подружки-шестиклассницы возвращаются после школы домой. Путь их до дома оказывается далеко не коротким, полным разных впечатлений и встреч, в том числе и с чудесным. Всё в этом мире, родном городке, таком знакомом, им очень-очень интересно.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	20
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	26
ГЛАВА ПЯТАЯ	34
ГЛАВА ШЕСТАЯ	52
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	66
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	70
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	83
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	99
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	108
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	110
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	115
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	130
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	145
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	153
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	157

Николай Хрипков
Шли по улице девчонки

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА С ВОЛШЕБНИКОМ

Благостный сентябрьский денек. Деревья еще стоят зеленые, только кое-где появились первые золотые проплешины. Тишина. Даже шины автомобилей шелестят как-то деликатно и застенчиво.

По улице Тургенева, самой длинной улице в городке, идут три девчонки.

– Смотрите, какой смешной старичок! – вскричала Полина.

Полина самая высокая из них, довольно полная и плотная, что огорчает ее. Она считает себя жирной. Но мама ей говорит, что никакая она не жирная, такая уж у нее конституция. Причем тут конституция Полина понять не может. И еще мама говорит, что с возрастом она будет худее. Будет расти в высоту и будет худее. Малышкой она вообще была как колобок. Еще мама говорит, что она красивая девочка. Полина согласна с этим. У нее маленький носик, не то, что как у Дашки. Красивые губки. Но маленькие. Есть такие уколы, которые увеличивают губы. Это потом, когда она повзрослеет. Сейчас ей никто такого не даст сделать.

– Не показывай пальцем! – укоризненно говорит Оксана. – Показывать пальцем нехорошо. Это некрасиво. Если на те-

бя будут показывать пальцем, тебе, думаешь, будет приятно? Никому это неприятно. И больше не показывай ни на кого пальцем!

Старичок, действительно, смешной. Росточка ниже Оксанки. Нос большой на пол-лица, а губ почти нет, так черточка лишь, вместо рта. Причем, прямая черточка.

Большая черная старомодная кепка. Таковую сейчас и не купишь нигде. Пиджак серо-грязноватого цвета, застегнутый на все пуговицы, и широкие брюки. Штанины можно было бы обмотать несколько раз вокруг его ног. Ноги у него, конечно же, тонкие, как спички. Он держит черный пакет, в котором, скорей всего батон хлеба и упаковка молока или какого-то молочного продукта.

– Знаете, – говорит Даша подружкам, – вдруг этот старичок – волшебник! Прикиньте!

Оксана и Полина останавливаются и удивленно глядят на Дашу. Чего это она?

Старичок поравнялся с ними. У него были живые глаза, какие-то молодые. В них интерес ко всему. Смотрит на девчонок так, как, наверно, посетители Лувра глядят на Джоконду. Я никогда не был в Лувре. Почему-то мне всё равно кажется, что на девчонок он смотрел сейчас так, как посетители Лувра глядят на Джоконду. Но я могу и ошибаться

– Мне дед рассказывал, – говорит Даша, – как один мальчик купался и нашел кувшин на дне. Он потерял его, и из него вылетел старик, который оказался волшебником. Этот маль-

чик, что ни захочет, волшебник выполнит. Из бороды выдернет волосок и исполняет любое желание.

– Не бывает так, – сказала Оксана. – Вранье!

– Не бывает? – переспросила Даша. – У тебя ничего не бывает.

Старичок прошел мимо них, удаляясь в сторону рынка. Может быть, он шел на рынок. А может быть, жил в той стороне.

– Не бывает? – Даша нахмурилась.

И сердито поглядела на подругу.

Противная эта Оксанка! Только бы ей перечить. У нее всё бывает. Если же ты скажешь, то не бывает. Вот всегда так!

– Вот и бывает! – громко сказала Даша. – Еще как бывает!

Полина молчала, потому что пока не решила, чью сторону принять. Обычно, она поддерживала Дашу

– Не бывает! Не бывает! Не бывает! – зачастила Оксанка. – Не бывает!

Даша задумалась: что бы такого убедительного сказать. Ну, конечно же! Вот оно!

– По телевизору показывали, как один дяденька брал вилки, ложки, ножи, клал себе на грудь и они не падали. Прилипали к его телу.

Сдаваться Оксанка сразу не привыкла. Немного подумав, она сказала:

– У него, может быть, были магнетики. Вот и прилипало всё.

– Магнетики? – удивилась Даша. – Внутри живота что ли магнетики? Он что ли их проглотил?

– Он их скотчем приклеил. А скотч такой под цвет тела. И кажется, что ложки, вилки и ножи к телу прилипли, а они к магнетикам прилипли. Вот так!

Вредная эта Оксанка. Всегда она как-то вывернется. Что-нибудь придумает.

– Никаких магнетиков у него не было. Что попало собираешь!

– А ты почему знаешь, что не было?

– Если бы у него были магнетики, его бы по телевизору не показывали. Не показывают же тебя по телевизору, потому что ложки, вилки и ножи к твоему телу не будут липнуть. Если они будут липнуть, значит, у тебя там магнетики, скотчем приклеенные.

Убийственный аргумент! Оксана нахмурилась. И задумалась.

– Я еще видела, как один мужик огонь глотал, – сказала Полина. – По телевизору показывали. Берет палку с огнем и огонь глотает.

Молодец, Полина! Даша улыбнулась ей.

– Интересно, а что он волшебничает? – спросила Полина. – Ну, какие он чудеса делает?

– Вот представь, – сказала Даша, – что ты его внучка и захотела самую большую и вкусную шоколадку. Вот такую! Оксана повернулась к подругам. В глазах ее блеснул инте-

рес. Обиженные щеки сдулись и уже не были никакими обиженными. Шоколадки она очень любила.

– Ты подходишь к нему и говоришь: «Дед! Я хочу самую большую-пребольшую и самую вкусную шоколадку». «Сейчас!» – говорит. Снимает свою большую дурацкую фуражку. Вот так делает руками: ацы-мацы-перемацы! Ты глянула в фуражку, а там большая шоколадка. Даже в фуражке не умещается.

– Или телефон крутой, – мечтательно говорит Полина. – С сенсорным экраном.

В начале учебного года у нее в школе украли телефон. Мама сказала, что не будет ей покупать телефона, потому что она не умеет беречь свои вещи. Конечно, мама ей купит телефон. Но это еще будет не скоро. А теперь – какая это жизнь без телефона? Сейчас у всех телефоны.

– Я бы хотела в Таиланд, – говорит Оксана. – Там круто!

Мамина подруга ездила в Таиланд, как она говорила, с бойфрендом. Наверно, это боксер такой.

Она приходила к ним в гости. Они пили с мамой вино с шоколадными конфетами. И мамина подруга целый вечер рассказывала, как там в Таиланде клёво, какой она в Бан... ну, забыла, короче... в главном их городе видела шикарный гей-парад. Как там здорово можно оторваться по полной программе. Оксана не совсем поняла это выражение «оторваться по полной программе», но одно ей было ясно, что это когда тебе очень-очень хорошо. Когда кругом весело.

– Запросто! – сказала Даша. – Подходишь и говоришь: «Дед! Я хочу в Таиланд!» – «Не вопрос!» – говорит дед. Шурум-бурум-кутурум, и ты уже летишь на самолете в Таиланд. И вот ты уже на пляже.

Оксана тяжело вздыхает:

– Если бы у меня был дед-волшебник! Или дядя Костя был бы волшебником!

Подруги солидарно вздыхают вместе с ней. У них в семье тоже нет волшебников.

– А мне кажется, что он и в правду волшебник, – говорит Полина. – Как он посмотрел на нас! Вы видели?

Вспоминают молодой взгляд старичка. Теперь уже у них нет никакого сомнения, что, конечно же, этот старик – волшебник. Потому что он такой необычный!

Даша кричит подругам:

– Бежим! Быстрее!

Они бегут в обратную сторону, в сторону базара, туда, куда ушел старичок со своим черным пакетом. Добегают до рынка, смотрят по сторонам. Нигде не видно. Ой, как жалко и обидно! Но он же волшебник! Бурум-курум-турум! Всё! Его нет! Он в тридевятом царстве-государстве! Такой шанс упустили!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОКСАНА. ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Они перешли через дорогу. Здесь не было светофора и «зебры», поскольку дорога считалась второстепенной. Длинной она была метров сто и напрямую соединяла улицу Тургенева и улицу Ленина. Поэтому большинство водителей даже не притормаживали, чтобы пропустить пешеходов. Но сейчас на дороге не было автомобилей, и они пересекли ее. Справа был двухэтажный магазин. На первом этаже пивной маркет, а на втором продавали одежду. Чуть подальше большой магазин детских товаров. Но народу всегда там было немного. Видно, взрослые обитатели городка не очень-то баловали детишек подарками. Или... А, впрочем, что гадать. Слева был маленький магазинчик, где продавали шторы, а за ним такой же маленький магазинчик «Школьник». Раньше там продавали книги, учебники и пособия для учителей. Но теперь учебники выдавали в школе.

– У меня будет свой магазин! – неожиданно сказала Оксана. – Когда я вырасту.

Подруги остановились и удивленно поглядели на нее. Нет, она не шутила.

– Почему? – воскликнули они хором. – Почему магазин?

– Да разве же не понятно? – сказала Оксана. – Вот все хо-

тят стать моделями. Чтобы кастинги разные были, чтобы их снимали. Но ведь все же не могут быть моделями! И вообще редко кто становится моделью. Может быть, одна на миллион.

– Совсем не все, – сказала Полина. – Я не хочу, например. Подумаешь, модель!

– Конечно, – язвительно проговорила Оксана. – Не хочет она!

– И совсем я не толстая. Я крупная и плотная. А когда я встану взрослой, я подрасту и похудею. Это полнота детская.

В спор вступила Даша. Подруги остановились.

– Если я в ютубе открыла свою страницу, это еще не значит, что я хочу быть моделью. Просто мне нравится снимать.

– А зачем ты тогда ходишь на танцы? А? – спросила Оксана. Левую ногу она выставила вперед.

– Нравится и хожу. И ты ходи, если хочешь. Нет! Вот ты скажи, зачем тебе магазин? И почему именно магазин?

– Ну, как вы не поймете? Сначала нужно встать на ноги. НА НОГИ! Чтобы у тебя были деньги.

Подруги прошли несколько шагов и снова остановились. Они смотрели на Оксану и ждали объяснений.

– Не надо витать в облаках! Вот что я вам скажу!

– Как это? – спросила Полина. – Витать в облаках?

– Это, когда напридумывают себе разное там такое, как в телевизоре показывают. И тоже такими хотят.

– Представляю, – сказала Полина. – Оксанка стоит за при-

лавком и продает окорочка. «Вам сколько окорочков? С вас сто пятьдесят рублей!»

Передразнила она подругу, раздувая щеки. Глаза сами собой округлились.

Даша и Полина рассмеялись. Оксана фыркнула. И отвернулась от них. Глупые они все-таки.

– Вот мамина подруга, она с бой-фрэндом ездила в Таиланд, рассказывала, что когда она развелась с первым мужем, то забрала у него машину, продала ее, потом взяла кредит, заняла там-сям и купила себе маленький магазинчик. Зато она теперь самостоятельная независимая женщина. Вот так! А вы ничего не понимаете! Это вам не книжки читать.

– А чем она торгует? – спросила Полина. – Окорочками? Хлебо-булочными изделиями?

– Ну, я не знаю. Но мне кажется, что косметикой и всякими ювелирными. Ведь это же круто! Вокруг тебя золото!

Подруги тут были солидарны. Косметикой – это, конечно, круто. Это же не окорочки да свиные хвостики продавать. Фу! А когда вокруг тебя косметика, золото – это круто. С этим и спорить нечего.

– Еще детскими игрушками неплохо, – сказала Полина, бросив прощальный взгляд на детский магазин, в котором ей не купили ни одной игрушки. Когда она была маленькой, здесь еще не было магазина. А когда он появился, она уже была не маленькой. И конечно, никто бы не стал ей покупать игрушки.

Оксана скривилась. Покачала головой.

– Много тебе игрушек накупили? Наверно, вагон целый?

Полина вздохнула. Разве игрушек бывает много? Хорошо, если бы они были от пола до самого потолка.

Вот, когда у нее будут дети, а у нее будут мальчик и девочка, только сначала девочка, а потом мальчик, она будет им каждый день покупать игрушки. Идти с работы и приносить новые игрушки. И радоваться вместе с ними.

Оксана воодушевилась. Она почувствовала свое превосходство над подругами. У нее уже ого-го какой жизненный опыт! А у них никакого. Мама полтора года назад укатила с мужиком в деревню, а ее, Оксану, и ее младшую сестру Марину взял к себе дядя Костя. Вообще с дядей даже лучше. Мамка бухала и приводила хахалей. Бывало не ночевала дома. И ей с Мариной было страшно одним в квартире. Они всю ночь лежали с включенным светом. У дяди Кости есть машина. Она стоит у него перед домом. Потому что гаража у него нет.

Не иномарка, «жигуленок». Но всё равно дядя Костя их три раза за лето возил на Красное озеро купаться. Это было так клёво! Еще никто их не возил на машине купаться.

Дядя Костя не женат. Жена была у него, но ушла, потому что считала его скучным и нудным. Потому что он не пьет, а только, знает, работает, ремонтирует машину, а по вечерам смотрит по телевизору про политику и рассказывает о поли-

тике. Дядя Костя варит, стирает, клеит обои и даже шьет. Вообще-то он скучноватый, но это не важно. На них он не ругается и даже голос не повышает. Он никогда не говорит громко. Просто нахмурится и молчит. И что-нибудь обязательно делает по дому.

– Вот будет магазин, значит, будут деньги, – продолжает Оксана. – Машину купите, большую квартиру, будете летать в Таиланд, отрываться по полной. Даже можно моделью стать, если захочешь. За деньги хоть кем можно стать.

– Это как? – удивляются Даша с Полиной. – Объясни!

Всё-таки Оксанка – не такой-то простой человек. Иногда она удивляет.

– Ну, как-как! Очень просто! Вот вы приходите на кастинг... А там народищу!

– И что? Ну, пришли!

– Приходите на кастинг, значит... Яблоку негде упасть.

– Пришли, а дальше что? Чего ты тянешь? Говори!

– Там много-много девчонок и теток всяких, даже взрослых. И дядьки.

– Как ты пройдешь кастинг? – спросила Даша. – Объясни, пожалуйста! Чего ты тянешь?

– Ты выйдешь на подиум в шикарном платье, а эти... ну, которые в жюри сидят... глаза вот такие! А ты говоришь: «Это платье из моего собственного магазина. Вот так-то!» Потом в бикини выходишь и говоришь: «Это бикини из моего магазина!» Прикиньте! Чего непонятного? У всех покуп-

ные платья и бикини, а у тебя из собственного магазина. И такие сережки крутые! И тоже из своего магазина.

Какое-то время девчонки шли молча, стараясь понять, какая же связь между собственным магазином и победой на кастинге. Но какая-то связь тут была. Тут Оксана права.

Они шли мимо пятиэтажки. Вход в жилые подъезды был с другой стороны. А со стороны проезжей улицы прямо посередине пятиэтажки высокое крыльцо. Возле дверей вывеска «Трансконтинентальный банк». На высоком крыльце возле урны курил паренек.

– Ну, банк – это понятно, – сказала Даша. – А что значит «трансконтинентальный»? это как?

– Можно я? Можно я? Ну, пожалуйста!

Полина вытянула руку, как на уроке, когда она хочет, чтобы ее спросили, и запрыгала. Ей не терпелось ответить.

– Мама у меня говорит: «Я впала в транс». И так охает.

– Как это? Как можно впасть в этот транс?

– Ну, это, когда она чему-то сильно удивилась. Или ее что-то поразило.

– Угу, – прикинула Даша. – Значит, выходит «Удивительный континентальный банк». Вот как нужно перевести!

Что такое «континентальный» девчонки знали, потому что с этого года у них уже была география. И они даже могли перечислить все континенты. Океаны тоже, само собой.

– Что может быть удивительного в банке? – спросила Оксана. – Я однажды заходила, ничего там нет удивительного.

– Что в банке? В банке деньги, – сказала Даша. – Значит, там какие-то удивительные деньги, не похожие на обычные. Ну, такие очень красивые или смешные, или вообще небумажные.

– А я всегда думала, что все деньги одинаковые, – проговорила Полина. – Это прямоугольные бумажки, на которых написана цифра. Чем больше цифра, тем лучше бумажка.

– А знаете, девчонки! Я про свою мечту стихотворение даже сочинила, – сказала, как бы между прочим, Оксана.

– Гонишь! – фыркнула Полина.

– Ну, тогда расскажи! – сказала Даша.

– Пожалуйста! Хоть сто тысяч! Раз!

Оксана задрала голову и, широко размахивая руками, стала скандировать:

Я открою магазин

Не для водки, не для вин.

Буду продавать игрушки,

Куклы всякие хлопушки,

Игры, пазлы, домино

И хорошее кино.

Приходите в магазин,

Госпожа и господин!

И с собой возьмите деток

И купите им конфеток,

Шоколадок, чупа-чупсов,

Кукол, куколок и пупсов.

Будут дети вас любить,

Будут вас благодарить.

Не заплачут без причин.

Приходите в магазин!

– А теперь о любви.

Он красивее Аполлона.

Глядеть я не могу без стона,

Когда проходит мимо он,

Мой бог, кумир мой, Аполлон.

А если он мне улыбнется,

То сердце так мое забьется,

Что каждый мне всякий раз,
Что выскочит оно сейчас.
Любви все возрасты покорны.
Ее порывы благотворны.
Спроси любого, скажет он,
Что счастье, если ты влюблен.
Паришь, как птица в небесах,
Ты высоко, забыв про страх.
– А хотите про школу?
Школу мы не очень любим.
Часто ничего не рубим,
Что учитель нам толкует
Или на доске колдует.
Надо ли учиться? Да!
Ведь без знаний никуда.
Разве что пойти в технички,
Мыть пола да слушать клички,
Унизительные, злые,
Что дают тебе другие.
– Офигеть! – хором воскликнули Даша и Полина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВСТРЕЧА С ТИМОТИ.

НУ, ПОЧТИ С ТИМОТИ

– Смотрите! Смотрите! – восторженно воскликнула Полина. – Тимоти! Тимоти!

– Ты чо дура? – обиделась Оксана и покрутила пальцем у виска. – Как брякнет что попало!

– Какой Тимоти? – спросила Даша.

– Да вон на ту сторону поглядите!

Оксана протянула руку.

Девчонки, как по команде, повернули головы влево. Там был большой одноэтажный магазин. Слева продавали всякую электронику, а справа – продукты. Но это неважно, потому что по тротуару не спеша шел сам Тимоти. На голове у него были большие наушники, которые изолировали его от звуков внешнего мира. На нем была черная футболка с серебристым кельтским узором и какая-то надпись на английском, которую, конечно, было невозможно прочесть с этой стороны дороги. Да и не надпись сейчас интересовала девчонок.

Девчонкам было совершенно фиолетово, что там у него написано. Какие клёвые джинсы! Они были разорваны сверху донизу. Ни один бомж не надел бы такие джинсы, пото-

му что за такие джинсы ему пришлось бы не бомжевать, а работать лет пять грузчиком у какого-нибудь частника. Такие мощные белые дутые кроссовки с широкими красными шнурками! И на всех открытых участках тела татуировки.

Девчонки хором завопили и, не сговариваясь, рванули через дорогу. Заскрипел тормозами «ландкрузер». Хорошо, что за рулем был мужчина, а не женщина, тогда бы в этом рассказе пришлось бы ставить точку, точнее даже не точку, а три жирных крестика. Перебежав через дорогу и, не обращая внимания на ругательства владельца «ландкрузера», они резко остепенились, одернулись и их лица осветились самыми подобострастными улыбками. Они не спеша приблизились к знаменитости.

Первая, как самый опытный дипломат, заговорила Даша, расплывшись в самой подобострастной улыбке.

– Привет!

Тимоти остановился и сдвинул наушники. Посмотрел с удивлением на девчонок.

– День добрый, девчонки!

– Вы нас извините, что мы вас остановили. Но мы не могли вас не остановить.

– Нет, ничего! Я не тороплюсь. Так! Прогуливаюсь!

А какие у него клёвые татушки! Ими можно любоваться часами.

– А мы можем у вас попросить автограф? – спросила Даша, быстро соображая, что бы она могла предложить для ав-

тографа. Говорят, что есть специальные карточки для автографов.

Не тетрадь же по математике! Сразу примет ее за дурочку.

– Автограф? – Тимоти рассмеялся и хлопнул себя по ноге.

«Какой у него красивый смех!» – подумала Даша. У нее похолодели и задрожали колени.

– Да! Вы не первые, кто меня принимает за Тимоти. Конечно, лестно, но...

– Вы...Выходит...

– Ну, извините! Похож! Да! Но не Тимоти. Вообще, я из Купина. Здесь моя девушка учится в педколледже. Приезжаю, встречаемся.

Девчонки разочарованно вздохнули. Еще мгновение назад они были уверены, что им сильно повезло.

– Вообще, меня зовут Паша. Павел. Но для вас Паша. Просто Паша.

– А у меня есть двоюродный братик Павлик, – ляпнула ни к селу ни к городу Полина. – Он младше меня

– Павел означает маленький, – сказал Паша. – Рождался в римской семье мальчик некрупный, вот такой вот, родители называли его Павликом. Тогда случайных имен не давали.

– Вы учитель истории? – спросила разочарованно Оксана.

Ее губы скривились в презрительной улыбке. Историю она не любила, потому что не любила учителя истории. Он был старый и ругался на них, когда они шалили. И еще он ставил ей двойки.

– Нет! Я по компьютерам, вообще-то. Могу починить или посоветовать, если что. Обращайтесь!

– Вы специально делаете так, чтобы быть очень похожим на Тимоти? – спросила Даша. – Прямо один к одному!

Паша рассмеялся. Всё-таки смех у него хороший. Повезло его девушке. Он, конечно, ласковый.

– Это Тимоти специально делает, чтобы быть похожим на меня. Шучу.

Девчонки дружно прыснули. Шутка им понравилась.

– Дурак был, девчата. Еще в школе мне говорили, что я на него очень похож. На всяких там мероприятиях, концертах давай ставить комедийные номера. Как он одевался, та-тушки ручкой рисовал и рэп пел про школьную жизнь. Меня вместо Пашки стали Тимой называть. Когда учился в колледже, летом подколымил и наколол. Говорю, что дурак был. Сейчас бы этого не стал делать.

– Дурак-то почему? – спросила Оксана. – Это же клёво! Круто! Быть похожим на самого Тимоти.

Полина квакнула:

– Вау! Ваще!

– Нет, девчонки! Это глупо! В армию забирали, врачи такие кислые рожи строили. В президентский полк тебе нельзя, туда нельзя, в полицию не возьмут. В школу тоже. На какую-нибудь государственную должность забудь даже. Только в рэперы идти или в программисты. Вообще-то у меня были планы. Да ладно! Теперь-то что. Хотя не это самое страшное.

Это всё ерунда.

– Что самое страшное?

Девчонки насторожились.

– Ну, как говорится, от тюрьмы и от сумы не зарекайся! Тьфу! Тьфу! Вот это самое страшное.

Паша плюнул через правое плечо, а потом через левое. Потом шагнул к дереву и постучал по стволу.

– Представьте, если попаду в тюрьму или на зону, а там у меня есть такие наколки... Вот хотя бы! Гляньте!

Паша приподнял край футболки. У него был плоский живот, красивый маленький пупок. Ну, и, конечно, везде татушки.

– Вот эта, к примеру...

Он ткнул пальцем в гладиолус. Красивый цветок!

– На зоне за такую наколку можно очень сильно пострадать. Так-то, девчата! Так что мой совет: не майтесь вы этой дурью, лучше учитесь хорошо. И слушайтесь родителей!

Оксана, скривившись протянула:

– Учиться скучно. И учителя злые, ругаются на нас. Двойки ставят.

– Учителя – тоже люди. А вы своим баловством, глупостью расстраиваете их. Они вам хотят только добра.

– А вы сами поете? – спросила Даша.

– Пою. Довольно неплохо играю на гитаре. В колледже у нас группа была, я играл и пел. Но только не рэп. Лирику всякую. Бардовские песни люблю. И даже романсы.

Даша достала тетрадь-черновик. Это была общая тетрадь в клеточку.

– Ну, всё-таки автограф! Можно?

– Ладно! А вдруг я стану знаменитым программистом. Ты будешь гордиться, что лично встречалась со мной. Как тебя зовут, девочка?

– Даша.

– Великолепно! Значит так...

Он чиркнул: «От Паши Даше! Любви тебе и счастья, девочка!» Даша убрала черновик. Такие слова ей еще никто не писал.

– Спасибо вам!

– Пожалуйста! Обращайтесь! Извините, что разочаровал. Бай-бай, девчонки!

– Зачем ты взяла автограф у этого лоха? – спросила Оксана, когда они проходили мимо гостиницы «У Леля».

Лель был местным предпринимателем.

– А он мне понравился! Вот!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВСЕ МУЖИКИ – СВОЛОЧИ

Теперь они идут по левой стороне улицы. Мимо них катится поток автомобилей. Каких тут только нет марок, цветов и размеров! А еще добавьте мотоциклистов, велосипедистов, грузовые машины разных видов, автобусы и маршрутки, и трактора разного предназначения и конфигурации. Интересно разглядывать за стеклом человека, сидящего за рулем, и тех, кто сидит рядом с ним, и порассуждать, что это за люди, куда они едут и зачем. Да мало ли что! Уверяю вас – это увлекательнейшее занятие! Вы так увлечетесь, что не заметите, как дойдете до дома, ну, или туда, куда вы шли. И вам даже будет жалко, что дорога оказалась такой короткой. Рекомендую, если вы куда-то идете пешком, а дорога предстоит не близкая и займет немало времени, не идите просто так, а придумайте себе какое-нибудь занятие. Хотя бы вот это с водителями и пассажирами автомобилей.

Можно сочинять стихи, если вы их сочиняете. Только после того, как четверостишие, хорошо отрифмованное, отредактированное, сложится в вашей голове, остановитесь, а еще лучше присядьте, если поблизости окажется автобусная остановка, и обязательно запишите. Надеяться на память очень легкомысленно. Знаете, сколько я шедевров потерял,

потому что не следовал этому правилу. Вот кажется, всё помню, сто раз пробубонил по дороге, пришел домой, преступил через порог, разулся, бросился к ручке и бумаге... обана! Ни строчки! Всё выветрилось целиком и полностью! И вспомнить никак невозможно. Вот что-то крутится в голове, а никак не воспоминается.

Хоть волосы на головы рви! А толку-то? А волосы еще пригодятся. И больно это рвать волосы на собственной голове! Ну, на чужой, куда бы еще ни шло. Но и на чужой не следует. Во избежание последствий для собственного здоровья. Вот примерно как-то так.

Если вы не чувствуете призвания к поэтическому труду, придумайте себе какое-нибудь другое занятие. Например «Игра в человека». Идет вам навстречу прохожий или прохожая. Ну, идет и идет. Но с того момента, как вы увидели его или ее, этот человек для вас почти как родной.

Разглядите его или ее внимательно, от макушки до пят, каково выражение лица, как одет, какая походка. Для этого даже не потребуются долгого пристального разглядывания, как говорят, изучающего взгляда. Этого не стоит делать, поскольку такой изучающий взгляд раздражает людей, и они уже заочно начинают ненавидеть вас. «Чего он на меня пялится?» Хотя они ничего о вас не знают, а вы вполне достойный, приличный человек. И даже деликатный. По крайней мере, вы именно такого о себе мнения и даже в какой-то степени считаете себя эталоном для других. Правда, это толь-

ко ваше собственное мнение, которое может совершенно не совпадать с мнением окружающих.

Начинайте с анкетных данных, то есть фамилия, имя, отчество, место жительства, ну, и так далее. Это Роман Пантелеевич Вяземский. А вообще придумывайте фамилии позакovskyристей. Почему Роман Пантелеевич да еще и Вяземский, вы не знаете. Просто это самое первое, что пришло вам в голову. Это не важно. Главное начать, а дальше покатит само собой. На вид ему лет сорок – сорок пять. От 2016 отнимем сорок, получается ... получается... так, получается... Обязательно считайте в уме, даже если имеете дело с четырехзначными числами. Навыки устного счета совершенно не лишние.

Не доставайте телефон и не включайте калькулятор. Итак, получается, что родился он в 1976 году. Допустим девятого декабря, родился здесь в этом городе на улице Есенина. Папа у него работает слесарем депо, а мама бухгалтером в жилищной конторе. Школу он закончил... Так, когда он закончил школу. Прибавляем 17 и получает 1993 год. В технический университет не поступил, не сдал физику. Пошел в технический колледж, который когда-то заканчивал и его папа, благо там и экзамены не требуются. Тогда он назывался не колледжем, а профессионально-техническим училищем № 37. И было даже такое время, что туда принимали сразу после семи классов.

«Тепло и солнце – день чудесный!» – так и хочется вос-

кликнуть, перефразируя великого поэта. Как я люблю эти солнечные осенние деньки! Это последние подарки от щедрого лета, когда можно еще легко одетым, в сланцах на босу ногу бродить не спеша по улицам родного города, рассматривая дома, магазины, автомобили, прохожих и придумывать различные истории про них, о которых они, к сожалению, никогда не узнают. А потом долгая-предолгая зима, когда уже порой теряешь веру в то, что в наши края вернется лето. А сейчас легкий ветерок, как пальцы любимой женщины, легко гладят тебя по лицу и обнаженным рукам. Порой его прикосновения настолько приятны, что сладкая дрожь пробирает до самых костей. А небо! Как оно давит на тебя, когда оно свинцовое и низкое! Не люблю низкого неба! Даже в доме чувствуешь его давление.

Тебя придавливает, принижает, ты ничтожество, ты никто, тварь дрожащая. Или оно бездонно голубое! И хочется подпрыгнуть, и закричать. «Почему я не птица? Почему я не летаю? А я хочу летать!» Завидуешь даже серым неказистым воробышкам, страстным патриотом своей малой родины, которые никогда и никуда не улетают, а остаются навеки с тобою, родная моя сторона. Почему воробьи? Обидно! Летучая серая сотня! Вот кто они такие! Вон как прыснули из-под ног! Им бы еще запеть: «Боже царя храни!» Хотя, кто знает, о чем они чирикают на своем птичьем языке.

Вот прочитал, что один арабский шейх развелся с одной из своих жен после того, как та, будучи на пляже, искупа-

лась и вышла на берег. Соленая морская вода смыла ее макияж. Так вот, когда арабский шейх увидел ее без макияжа, так сразу побежал в свой шариатский суд и потребовал, чтобы его немедленно развели. Ему надо было бы жениться на наших сибирских красавицах, которые и без всякого макияжа остаются красавицами. А почему? А потому, что мороз и солнце, день чудесный! Мы и морозу рады, если светит солнышко.

Они без солнца прекрасны, а под горячим аравийским солнцем становятся просто неотразимы. А может быть, тот арабский шейх давным-давно присмотрел себе сибирскую красавицу.

Как же тут не запоешь, когда солнечные лучи гладят, ласкают твою кожу, и хочется любить и чтобы тебя любили! Это арабу безразлично лето или не лето, потому что у них круглый год – лето. А у нас это ЛЕТО, с большой буквы.

Девчонки проходят мимо лица, который был справа от них через дорогу. Трехэтажное здание.

– Ненавижу! – прошипела Оксана. – Ненавижу!

Даша с Полиной остановились и строго посмотрели на Оксану. Это что еще за фокусы?

– Кого ненавидишь?

– Да вот их ненавижу!

Она кивнула в сторону лицейских ворот, из которых шумно, толкаясь, выходили младшеклассники с толстыми рюкзаками на спинах. На мальчишках были синие жилетки, белые

рубашки и черные брючки, а на девочках белые сорочки с кружевными рукавами и такие же синие жилетки с желтыми блестящими пуговицами, черные юбочки и длинные белые носочки. Только туфельки были разных форматов и цветов. Но обязательно на туфельках были бантики.

– Почему? – спросила Полина. – Что они тебе сделали? Как это можно всех ненавидеть?

– А! все такие из себя! Мы лицеисты! Мы лучше всем! У нас самый клёвый лицей! Мы такие!

– Вообще-то у них здание красивше и больше всех школ в городе, фонтан вон и сколько цветов. Ни у одной школы столько нет.

– И что? – не сдавалась противная Оксанка. – Нечего из себя строить! Мы не хуже их! Чем они нас лучше?

– У меня там есть подруги, – сказала Полина. – Даже две.

– У меня тоже, – сказала Даша. – Ее Леной зовут.

Оксана нахмурилась. Убийственный был аргумент, и она не находила, что ответить. Но промолчать она не могла.

– Не надо из себя строить! – прошипела Оксана. – А то мы такие!

– Они из себя ничего не строят, – проговорила Даша. – А вот ты из себя строишь и на всех злишься. Прямо злюка какая-то!

Щеки у Оксаны стали еще круглее. Между девчонками назревал конфликт. Они сердито смотрели друг на друга

И тут Оксана вспомнила:

– Мы в «Динамо» ездили на соревнование, и там меня один пацан ихний так толкнул, что я упала. Вот! И что я теперь должна любить их после этого? Так что ли? Да?

– И что? – удивились подруги. – Если тебя кто-то толкнул, что же теперь всех ненавидеть?

– А зачем толкаться? Если бы я не была девчонкой, я бы так его толкнула, что полетел бы! Забыл бы тогда как толкаться. А то взял и толкнул, как будто я ему что-то сделала.

– У нас тебя не толкают? – спросила Даша. – Тимка, помнишь, тебя по башке пеналом ударил? Или забыла? Конечно, не забыла. Что же ты теперь всех в нашей школе не ненавидишь?

Ох, уж этот Тимка! Убила бы его! Это симпатичный золотоволосый мальчишка. Вначале Оксана даже влюбилась в него, хотя он младше. Когда они играли на перемене в «ручеек», она взяла его за руку и потянула. Тимка стоял у стены и наблюдал за игрой. Она хотела, чтобы он ей составил пару в «ручейке». И даже не посмотрела на то, что он ниже ее. Он запсиховал, стал вырывать свою руку из ее руки и закричал:

– Не хочу! Что ты меня тянешь? Дура! Отстань! Привязалась, дура! Отстань от меня!

Она даже не заметила, как в его руке оказался пенал. И ударил ее по голове. Со стороны затылка.

Было не больно, но очень обидно, потому что все это видели и смеялись. Тогда она убежала в кабинет математики, упала за парту и заплакала. С тех пор она Тимку разлюбила.

И вообще пацаны недостойны любви. Такие они грубые! А некоторые еще и курят, и матерятся. Вот у них по вечерам собираются под кленами взрослые пацаны и курят.

– Нельзя по одному судить обо всех, – рассудительно заметила Даша. – Если кто-то тебя толкнул, это не значит, что все плохие.

Оксана взвизгнула и заверещала:

– А моя мамка говорит, что все мужики – сволочи. Им только одно надо. Они сволочи!

– А что же она тогда уехала с молодым мужиком в деревню и вас с Маринкой бросила? И вы сейчас живете у дяди Кости.

Оксана побагровела. Это было уж слишком. Всё! Это что за такое?

Они ей больше ни подруги. Будет жить одна и ни с кем больше не будет дружить. Особенно с этими дурами. Но последнее слово нужно было оставить за собой. Повернулась злая к Полине и спросила:

– А что же твой папка не живет с вами? А?

– Мамка прогнала его, потому что он бабник и алкаш. Зачем он ей такой?

Такая прямота поразила Оксану. Щеки ее стали сдуваться и бледнеть. Она уже позабыла о том, что только что хотела перестать считать их своими подругами. Оксана тяжело вздохнула:

– Все мужики – сволочи! Ой, девочки!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЗЛЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ БОЛЬНИЦЫ

Они подходили к железнодорожной больнице. Это было длинное трехэтажное здание с зарешеченными окнами на первом этаже. За ним санаторий «Локомотив», где лежали и отдыхали железнодорожники и члены их семей. Их городок был крупным железнодорожным узлом.

– Девчонки! Вспомнила! – вскричала Полина. – У нас же сегодня новая учительница. Как я такое могла забыть? Не рассказала вам.

– Кто такая? Мы ее видели?

– Биологичка. Верой Сергеевной зовут. Сегодня в нашем классе у нее был первый урок. Прикиньте! Классно же?

– Молодая? – спросила Даша. – Красивая?

– Только закончила университет. Совсем молоденькая. Симпатичная! Не то, что Альбина Петровна. Мымра! Только детей пугать! Вот представьте! Заходит директор, а с ним симпатичная девушка. Мы переглядываемся, кто такая, за чем. «Дети! – говорит Иван Степанович, – это ваша новая учительница биологии. Альбина Петровна больше не будет работать у нас. Вера Сергеевна только начинает работать. Я прошу вас быть дисциплинированными, учить биологию и

радовать ее своими ответами. Поможем Вере Сергеевне?» Мы, конечно, хором вопим: «Поможем!» Тогда директор и говорит: «Успеха вам, Вера Сергеевна!» и выходим из класса. Сидим тихо, глядим на нее во все глаза и ждем, что дальше будет. Она говорит: «Ребята! Это у меня первый урок в вашей школе. Вообще не первый, потому что я на практике уже вела уроки, но в другой школе. Позавчера я устроилась на работу в вашу школу. Теперь я влилась в ваш коллектив. У меня в вашем классе первый урок в этой школе». Тогда Женька Прокопьев тянет руку. Ну, вы знаете его. «Можно спросить? Почему вы не с первого сентября работаете у нас?» «Не с первого сентября. Я хотела первого сентября выйти на работу. У меня умерла мама. Вот!» Она замолчала и повернулась к окну. Мы тоже молчим. Долго молчали. Тишина такая, даже дыхание слышно. Стулом никто не скрипит. Вот как тихо сидели.

– И что дальше? – спросила Оксана. – Ну, рассказывай же!

– Ничего. А чего должно быть дальше?

– Как ничего? Совсем ничего?

– Ну, она дальше начала рассказывать про ботанику. Как это интересно! Что мы узнаем столько нового.

– Интересно рассказывала? – спросила Даша. – Мне нравится, когда интересно рассказывают. Я тогда обо всем забываю.

– Как... Ну, слушали. Мы хотели, чтобы она о себе рассказала, ведь мы про нее ничего не знаем. Как-то... ну, мы

не то, что ее боялись... мы ее нисколько не боялись. Ни капельки! Но не спросили. Постеснялись, наверно.

– А если учительницу не боятся, то у нее на уроках балуются, – сказала Оксана. – Учитель должен быть строгим.

Полина согласилась с подругой.

– Вера Сергеевна стеснительная какая-то. Учительнице нельзя быть стеснительной. Она должна быть твердой. Тогда ей на шею не сядут. А так она наплачется с нами. Ох, и наплачется!

– Мне жалко учительницу, когда она плачет, – сказала Даша. – Ведь она старается ради нас, чтобы мы много знали, были умными, а не какими-то бомжами. А мы балуемся и не слушаем. И некоторые учительницы плачут. Им обидно становится, что их не слушают.

Полина, размахивая руками, воскликнула:

– Я видела, как Нина Викторовна плакала. Она сидела в кабинете и плакала. А я заглянула и увидела, как она плачет.

– Она, может, по другому плакала, – сказала Оксана. – Мало ли что.

– По какому другому она плакала? Тоже скажешь! Что попало!

– Может, у нее ребенок болел, и она плакала. Может, муж ее побил.

– Если бы у нее ребенок болел, она взяла бы больничный и сидела дома. А если мужик побьет, то будут синяки.

Оксана не нашла сначала, что ответить, но потом вспом-

нила и обрадовалась.

– Ага! Когда я ходила в садик и заболела, то мама не брала больничный, а ходила на работу. Вот так! А я одна сидела.

– Потому что с тобой сидела бабушка, поэтому мама не брала больничный. За больничный же меньше платят.

Всё-таки вредная она, Оксанка. Ее не переспоришь. Ей вообще бы только спорить. Что ни скажешь, она начинает спорить. Она не может, чтобы не спорить. Будто самая умная. А Дашка умнее ее и лучше учится, а не спорит. А Оксанке бы только спорить. Полина обратилась за помощью к Даше. Остановилась и повернулась к ней.

– Ведь плачут же учительницы? Так же, Даша?

– Еще как! – кивнула Даша. – Они же тоже люди!

– Вот! – сказала Полина, повернувшись к Оксане. – А ты споришь.

– Ведь она же тебе не сказала, что плакала, что потому, что ее ученики обидели. Откуда ты знаешь, почему она плакала.?

– Если она в школе плакала, значит из-за учеников. Из-за чего еще в школе плакать? Только из-за нас.

– Может, ее директор выругал, – не сдавалась Оксана. – Она расстроилась и заплакала. Женщины, когда их обижают, плачут. Вот!

– Когда поплачешь, становится легче, – сказала Даша. – Когда меня обидят, я поплачу, потом быстрее забываю про обиду. Ну, конечно, помню, но уже не так обидно. Обида

уходит со слезами.

– Мужики вот не плачут. Значит, они обиду держат в себе? – спросила Оксана. И подумала: «Вот как я вас!»

– Нельзя мужику плакать. Тогда над ним будут смеяться, – проговорила Полина. – Мужик, когда хочет плакать, он начинает злиться. И обычно матерится.

– Когда женщина плачет, над ней не смеются. Ее бросаются успокаивать. Жалеют. Только женщины плачут так, что их жалеют.

– А я иногда просто так плачу, – сказала Даша. – Сажу и плачу. Настроение просто плохое.

– Это как? – удивились подружки. – Как это так просто плакать?

– Ну, мне иногда становится грустно-прегрустно. Сама не знаю почему, и слезы сами собой катятся. В общем, как дура, реву. И сама не понимаю зачем.

Оксана долго вздохнула.

– Пацаны всё время хохочут. Ха-ха-ха-ха! Как дураки. И толкаются еще. А девочки плачут. Я тоже часто плачу. Тоже просто так.

Они подошли к широко открытым воротам, через которые машины въезжали на территорию больницы. Слева была белая кирпичная будка. В ней сидел охранник. Днем цепь лежала на земле, потому что было бы очень утомительно поднимать и опускать ее то и дело. Машины бесперечь въезжали и выезжали.

Полина громко воскликнула:

– Девочки! А вы смотрели «Такая неожиданная встреча»?

А?

Они остановились. Посмотрели на Полину.

– Это что такое? – недовольно пробурчала Оксана. Ей не нравились всякого рода неожиданности. Потому что от них только и жди беды. Поэтому щеки ее всякий раз при неожиданностях округлялись. – Что это еще за чудо-юдо, рыба кит, на веревочке бежит? А ну-ка рассказывай!

– И никакое это не чудо-юдо! Тоже скажешь, Оксана! Серриал классный! Короче! Сергей – преуспевающий молодой человек. Он с красным дипломом закончил медицинскую академию. Активно участвовал в общественной деятельности.

Оксана нахмурилась. Брови ее сошлись у переносицы.

– Как хирург он подает большие надежды. Все ему пророчат блестящее будущее. Всё в его жизни складывается успешно. Работает он в престижной поликлинике. И многие сотрудники этой поликлиники завидуют ему. А директор планирует, что после ухода на пенсию, Сергей займет его место. Вот его посылают на международную конференцию в Германию. Из России он единственный врач, который удостоился такой высокой чести. Он выступает с докладом. Бурные аплодисменты. Во время перерыва к нему подходит молодая красивая женщина. Здоровается и мило улыбается. Сначала Сергей не узнает ее. А потом узнал. Это его первая

любовь еще со школьной скамьи. А первая любовь, как известно, самая сильная и незабываемая. И она проходит с тобой на протяжении всей жизни. Сергей женат, у него замечательная дочка Кристина трех лет. У жены его Аллы собственный салон красоты, она очень предприимчивая женщина. Увидев Елену, так звали эту девушку, Сергей чувствует необычайное волнение. Он краснеет и смущается. И даже начинает немного заикаться во время разговора с ней. Прежние чувства охватили его душу. Они разговаривают, вспоминают школьные годы, своих одноклассников и учителей. Елена то и дело смеется. Перед тем, как расстаться, Сергей просит Елену о встрече. Она тоже не против того, чтобы встретиться с ним. И легко дает свое согласие. Они договариваются о месте и времени встречи. Возвратившись в отель, Сергей не может долго уснуть. Мысленно он вновь и вновь возвращается в прошлое. Перед его взором проплывают школьные воспоминания. Утро. Сергей спит. В номере уже светло. Он улыбается. Вдруг резко открывает глаза, оглядывается по сторонам, что-то мучительно вспоминает. Тут же на его лице выражается испуг. Он судорожно хватается за телефон с тумбочки, но он разряжен. Сергей чертыхается и подскакивает с кровати. Быстро одевается. Он находит наручные часы. «Черт! Уже полвосьмого! Как же я так мог проспать! Елена мне назначила встречу на полдевятого. Ничего! Если потороплюсь, то не опоздаю! Только надо побыстренькому! Елена! Неужели мы снова увидимся, любовь

моя?» Оделся, кое-как пригладил волосы и выскакивает из отеля. Что за чертовщина? Перед отелем ни одного такси. Только вчера их здесь стояло такое множество! Он выбегает на соседнюю улицу, пытается остановить хоть какую-нибудь машину. Но все тщетно. Автомобили мелькают мимо него, не останавливаясь, как будто сговорились. Сергей ругается, хватается за голову, то и дело поглядывает на часы. Наконец, закрипели тормоза и возле него останавливается старенький автомобиль. За рулем молодой турок или араб. Сергей объясняет ему, куда ехать. Но тот только бормочет: «Моя твоя не понимай!» Сергей в отчаянии, пытается жестами указать ему маршрут. Сергей объясняется по-английски, по-немецки, по-французски. Всё тщетно. Водитель бормочет, как заклинание, одно и то же: «Моя твоя не понимай! Моя твоя не понимай!» Как попугай, ей Богу! Ну, вот как ему втолковать, если он чурка, ни в одном языке ни бельмеса. И как только таким права дают? Куда ГАИ смотрит? Ругаясь, Сергей выскакивает из автомобиля. Опять начинает голосовать. То же самое! Летят мимо, не останавливаясь. Тогда в отчаянье он выходит на дорогу и стоит, как каменная глыба. Резко тормозит автомобиль, чуть не сбивает его. Сергей падает на капот. Водитель, конечно, ругается, даже нехорошими матершинными словами. Сергей объясняет водителю, суровому мужчине с недельной щетиной в футболке с изображением фрау Меркель, куда ему ехать. Тот молча выслушивает и трогается. «А нельзя ли побыстрее! – в

отчаянии кричит Сергей. – Чего вы ползете, как черепаха? У меня очень важная встреча. Решается вопрос всей моей жизни, а вы ползете, как черепаха! Я хорошо заплачу. Только, пожалуйста, побыстрее! Кто вас учил так медленно ездить? Я бы пешком быстрее добежал, чем вы едете! Да добавьте же скорости!» «Да вы видите, какое движение!» – говорит водитель. Действительно, машины сплошным потоком катятся по улице. Не обгонишь, ни вклинишься, остается одно: ползти за впереди идущей машиной. Сергей нервно стучит по коленке, кусает до крови губы и шепчет одно и то же: «Ну, давай же! Давай! Ну, что ты? Кто вас только учил ездить?» Судорожно ищет телефон, чтобы сообщить Елене, что он может задержаться. Но вспоминает, что телефон у него разрядился и к тому же он оставил его в отеле. Автомобиль остановился. Пробка. «О! нет! – в отчаянии кричит Сергей. – Только не это! Умоляю все небесные силы! Только не это! Да что же это такое? За что это мне?» В нетерпении он кусает губы. Лицо его исказила гримаса страдания. Он с такой силой бьет себя по коленям, как будто от этого пробка рассосется сама собой и автомобиль взорвется ракетой. Мучительно медленно тянутся минуты. В конце концов он не выдерживает, выскакивает из автомобиля и бежит. Шофер взбешен. «Что еще за фокусы?» Не успел он пробежать и десяти шагов, как со всего размаха падает на тротуар, больно ударившись лицом об асфальт. Из носа тонкой струей вытекает темная кровь. Водитель догнал его и сильным ударом

в спину повалил на землю. Потом опустился и коленом прижал, чтобы он даже не помышлял о бегстве. «И не таких ловили! Так просто от меня не уйдешь! Кто будет платить за проезд? Эрих-Мария Ремарк что ли?» Сергей в бессильном отчаянии вопит: «Отпусти меня, пожалуйста! Я заплачу! Я отдам тебе все свои деньги! У меня много денег!» «Ну, уж нет! – рыит верзила. – Нашел дурака! Просто так ты не отделаешься от меня! Не на того нарвался! И не таких видели шустряков, как ты! Еще никто не уходил от меня и не разводил меня на деньги!» Он достает мобильник и звонит в полицию. И тут же с включенной сиреной возле них тормозит полицейская машина. Такое впечатление, что полицейские стояли рядом. «Это бандит! Он хотел ограбить меня!» – говорит верзила полицейским. На запястьях Сергея защелкиваются наручники. Его за шиворот резко поднимают на ноги. Сергей смотрит на полицейских, на водителя, из разбитого носа течет кровь. «Я всё объясню! – кричит Сергей. – Я не думал не платить. Просто я опаздываю на очень важную встречу. Вопрос стоит о моей судьбе. Вы должны меня понять!» «Свои басни будешь рассказывать в полицейском участке, – говорит полицейский офицер. – Там у нас много таких сказочников, как ты. Как соловьи заливаются!» Его грубо запихивают в полицейский автомобиль. «Да погодите вы! – кричит Сергей. – Я хирург из России. Я приехал на международную конференцию. Меня знают во всем мире!» «Ты еще и русский! – полицейские переглядываются между

собой. Их взгляды не предвещают ничего хорошего. – Русский хирург! Давно у нас такого не было! Вы, русские, убиваете своими бомбами мирных жителей Алеппо, борцов за свободу против кровавой диктатуры тирана Асада! Безжалостные убийцы! Империя зла! Собираетесь напасть на беззащитные страны Балтии, а потом на нас, как вы это сделала в прошлом веке! Что ты тут делаешь, русский террорист, агент КГБ? Ничего! У нас ты запоешь!» «Никого я не убивал! Я наоборот лечу людей!» «Не хотел бы я попасть к тебе под нож!» – говорит полицейский офицер. Взгляды полицейских полны нескрываемой ненависти. Полицейский сильно бьет его под дых. В глазах Сергея темнеет. Он теряет сознание. Его заводят в полицейский участок. Отпускают, он падает на скамью. «Я гражданин Российской Федерации, – говорит Сергей. – Немедленно, я требую, сообщить в российское посольство. Говорить я буду только в присутствии российского посла». Полицейский офицер ухмыляется. «Может быть, тебе еще и твои права зачитать, русская свинья? Вызвать лучшего адвоката? Не желаете?» Удар в челюсть, потом в низ живота, Сергей падает. Его начинают пинать. Окровавленного Сергея заволакивают в тюремную камеру и бросают на бетонный пол. Он медленно поднимает голову. Под глазом набухает синяк. Он выплевывает кровавую слюну. В красной лужице возле его лица белеют обломки зубов. От шконки в углу поднимается похожий на орангутанга весь в наколках громила. Он наклоняется к Сергею. «Ты кто такой?» Сер-

гей поднимает голову. В глазах его страдание. «Я хирург из России». «Ты русский?» – говорит громила и заносит над его головой кулак-кувалду. Но его кулак перехватывают. Он оборачивается. Его руку держит маленький человек. Громила сразу обмякает, как-то весь проседает и отходит от Сергея... Маленький человек склоняется над Сергеем.

Даша и Оксана уже долгое время стояли с раскрытыми ртами и широко распахнутыми глазами, не сводя взгляда, как зачарованные, с тороторящей без остановки Полины. Первой пришла в себя Даша. Она помотала головой.

– Что это? – спросила она, глядя на Оксану. – Ты поняла? Губы Оксаны вытянулись буквой О. Щеки округлились.

– Сама не пойму, – сказала Оксана. – Может быть, она перегрелась на солнышке. Мамина подружка рассказывала, как она на пляже в Таиланде перегрелась на солнце и стала говорить что попало. Всякую ерунду несла.

Оксана прикоснулась тыльной стороной ладони ко лбу Полины. Подержала какое-то время руку и убрала. Полина непонимающим взглядом обвела подруг. Взгляд ее остановился на руке Оксаны. Она долго смотрела на руку.

– Нет, не горячий. Лоб у нее холодный. Значит, температуры нет. Что-то другое.

– А может быть, это ни какая и не Полина, – предположила Даша. – А инопланетянка, которая приняла ее облик? Я видела фильм об этом.

– А мне кажется, что это зомби, – сказала Оксана. – В кино

вот таких же показывали.

– Девки! Вы чего? – вскричала Полина. – Чего это вы? А? Щеки у нее покраснели. И стали надуваться.

– Так! Ничего! Забудь!

Даша пожала плечами. Оксана переглянулась с ней и тоже пожала плечами. И отвернулась.

– А что? Ничего! Что это?

– Пожалуйста! Полина! Не делай этого больше! – сказала Даша. – Знаешь, как нам стало страшно. У меня даже мурашки по коже побежали, так мне стало страшно. Правда, Полина! Честное слово!

– С чего это? – удивленно протянула Полина. – Ничего не понимаю.

– Ну, вот что сейчас было? Объясни!

– А что сейчас было? Девочки! Вы о чем? Я никак не могу понять вас. Чего вы говорите загадками? Я не пойму вас!

– Видишь, Оксана! У нее был шок. Она даже не помнит, что сейчас было, – сказала Даша. – Я как-то по телевизору видела такое: человек в шоке, а потом не помнит ничего. Он вроде как потерял сознание.

– Я поняла, – обиделась Полина. – Я вам рассказывала телесериал. Если сами не смотрите, так послушайте, когда вам рассказывают. А что вы меня не слушали, когда я рассказывала? Так?

– Ты рассказывала? – закричала Оксана. – Да это же не ты была совсем! Это кто-то твоим голосом говорил. Потому

что ты и слов таких не знаешь, каким говорил кто-то твоим голосом. Это кто-то в тебя вселился.

– Зайдем в больницу на прием к психиатру? – предложила Даша. – Пока мы еще не отошли далеко от больницы. Полина! Не бойся! Там тебе не будут ставить укол. Просто зададут тебе вопросы. И всё!

Они стояли возле больницы. Их громкая беседа с резкими жестами привлекла внимание охранника, который вышел из своей будки покурить. Он выбросил окурочок в урну. Это был низенького роста паренек в темно-синей униформе. Над правым нагрудным карманом у него было написано охрана. На голове у него была форменная фуражка. Медленно, в раскачку он приблизился к ним, покручивая на указательном пальце связку ключей. Тут был ключ от его иномарки, что стояла за будкой, и ключ от самой будки. Но иномарка была очень старенькой.

– Проблемы какие-то девчонки? Так?

Голос у него был глуховатый, но приятный. Он переводил иронический взгляд с одной на другую, покручивая на пальце ключи.

– Спасибо! – поблагодарила Даша. – Мы справимся сами. Мы уже достаточно взрослые.

– Домой идете? – спросил охранник. – Я правильно понял?

Сейча он постукивал связкой ключей себя по бедру. На ногах у него были высокие берцы, которыми он очень гор-

дился.

– Да! Из школы.

– А в какой вы школе учитесь? Если не секрет, конечно.

Я же местный.

В ворота заехала скорая помощь. Охранник приветственно помахал знакомому шоферу той рукой, на которой была связка ключей.

– Вам зачем это? Интересно!

– Просто интересуюсь. Спросить-то можно? Или нет?

Он оттолкнул ногой окурок в сторону и брезгливо поморщился. Видно, он воспитывался в чистоплотной семье. Так уж его воспитали.

– Вообще-то, в четвертой. Если вам интересно.

– А! Директором там по-прежнему Степан Федорович Ященко. Хотя он, наверно, уже на пенсии. Когда я учился, он был уже старым.

– Степан Федорович – директор. Он такой строгий.

– Да! Хороший мужик! А строгость – это надо.

Охранник чему-то улыбнулся. Улыбка у него была приятная, почти детская. Наверно, он вспомнил что-то хорошее. Наверно, из школьных лет.

– Смотрите, девчонки! – закричала Полина, вытянув руку к дороге. – Да смотрите же!

В крике ее было столько страха, что подружки вздрогнули и повернулись туда, куда она показывала. Глаза их округлились.

С той стороны дорогу переходил котенок, серый, жалкий и худой. Казалось, что он целиком был погружен в себя, потому что нисколько не думал о том, какой смертельной опасности он сейчас себя подвергает. Резко затормозила машина в двух шагах от него. Котенок прогнул спину дугой, шерстка его вздыбилась, он зашипел, как змея, наверно, считая, что своим шипением он может напугать возможных врагов. Водитель повернул направо и медленно объехал котенка. Девчонки не сводили с него глаз, полных ужаса. Что-то им подсказывало, что путешествие через дорогу добром не кончится. Даша рванулась вперед, но тут же охранник схватил ее за локоть и дернул на себя. Связка ключей больно впиалась ей в руку, и она ойкнула и удивленно поглядела на парня. Тот вздохнул.

– Ты куда? Совсем что ли?

Во время он это сделал, потому что с их стороны пронеслась иномарка. Из машины неслась громкая музыка. Если бы охранник не успел Дашу схватить, она точно бы попала под колеса. Тут же Даша поняла это, и ее сердце учащенно забились. Собственно, парень спас ей жизнь. В ту же секунду и произошло ЭТО. С той стороны пронеслась машина. Это был черный внедорожник с тонированными стеклами на выскоих колесах. Там, где только что стоял котенок, еще не пришедший в себя от страха перед затормозившим, а потом объехавшим его автомобилем, было кровавое месиво. Девчонки остолбенели. Они еще какое-то время не мог-

ли поверить в случившееся. У Полины подогнулись колени, как будто кто-то подошел сзади со спины и ударил ей под колени. Она медленно стала оседать, а потом упала бочком, перевернувшись на спину и затихла. И раскинув руки, лежала, не шевелясь, с закрытыми глазами. Девчонки остолбенели, не зная, что делать.

– Ой! Ой!

Девчонки смотрели во все глаза на лежавшую на тротуаре Полину. Оксана прикрыла ладошками рот. Охранник шагнул, наклонился и приложил пальцы к шее Полины, потом приподнял у нее веко. Девчонки онемели от ужаса.

– Обморок! Сильно напугалась? Ничего страшного!

Он просунул руки ей под спину, подхватил и почти бегом понес ее в приемный покой. Он был прямо от ворот в шагах десяти. Не опуская Полину, он потянул на себя тяжелую дверь и исчез внутри. Двери захлопнулись перед их носом.

– А мы? А как же мы? – спросила Оксана. – Мы-то что же теперь?

– Идем! – решительно сказала Даша.

И они побежали к приемному покою. У дверей некоторое время постояли, не зная, позволено ли им входить вовнутрь. Вошли в просторный вестибюль. Слева у стены целый ряд синих пластиковых стульчиков, две синих урны, одна с новыми бахилами, другая с использованными. Охранника с Полиной не было. Конечно, он уже успел войти в какой-то кабинет. А может, он понес ее на второй этаж. Прямо из ве-

стибюля шла лестница на верхние этажи. Пусто. Ни одного человека. Не у кого спросить, куда же могут унести Полину. А зайти в какой-нибудь кабинет они не решались. Как-то страшно!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОЛИНА ЖИВА И ЗДОРОВА

Даша прошла за угол и заглянула в длинный коридор, сначала налево, потом направо. Нигде не было ни души. Такое впечатление, что в больнице вообще не было людей. Совершенно пустынное здание.

– Куда же он ее унес? – спросила Оксана, смотря широко распахнутыми глазами на Дашу.

Она выглядывала из-за спины Даши. Ее пугали эти пустынные коридоры. Ей представлялось, как откроется какая-нибудь дверь и оттуда выйдет страшный дядька. Бррр! Ужас!

– А может быть, она уже умерла, – прошептала Оксана. – И что теперь?

И тут же ей представилась, как Полина лежит в гробу, лицо у нее неподвижное и суровое. А вокруг стоят взрослые.

Даша сердито прошипела:

– Замолчи ты, дура! Он же сказал, что у нее обморок. Это может быть с любым. Это ничего страшного. Это пустяк!

– Теперь ее положат в больницу, – опять шепчет Оксана. – Будут уколы колоть, капельницу подключат. Я видела эту капельницу. От нее такая длинная прозрачная трубка идет. Если ее положат в больницу, мы каждый день будем навещать

ее после школы. Всё равно же мы мимо идем. И будем приносить ей чего-нибудь вкусенького. Так ж, Даша?

Даша спокойно сказала:

– Ты понимаешь, что тут приемные часы. И в любое время сюда приходить нельзя. Всё равно не пустят. Нужно только в приемные часы.

Даша была уверена, что она все знает о больнице, потому что ей пришлось полежать здесь, когда ей сломали пальчик, зажатый между дверью и дверным косяком. Сколько ей тогда поставили уколов! Кошмар!

Даше было страшновато в пустынном коридоре. Ей даже на миг представилось, как открывается медленно дверь и оттуда, как в замедленной съемке, выходит покойник-зомби. Но она не хотела обнаружить эту свою слабость перед подружкой. Оксана жалась у ней за спиной и горячо дышала ей в спину, и Даше кожей ощущала ее горячее дыхание. Но перед Оксаной она не хотела показывать свои страхи.

– Знаешь, когда я лежала в больнице, в соседней палате умерла бабушка, – прошептала Даша. – Я как раз сидела в холле, смотрела телевизор, и ее провезли по коридору. Я повернулась и увидела, что она мертвая

Оксанины глаза округлились, губы задрожали.

– Я боюсь мертвецов! Ой, Даша! Больше не рассказывай про них! Зачем ты это сказала? Теперь я буду бояться.

– Мой дед говорит, что мертвых не надо бояться. Надо бояться живых. Мертвый тебе ничего не сделает.

Даша еще дальше выглянула в коридор. Потом сделала несколько шагов и замерла. Оксана на цыпочках следовала за ней.

– Это как? – спросила шепотом Оксана.

– Ну, мертвые они, как камни. Они лежат себе и лежат. А живой может тебя ударить и даже убить.

– А вдруг он поднимется? – еще тише прошептала Оксана.

Она лицом почти уткнулась в Дашину спину, слева, сразу за рюкзаком. И то и дело наклоняла голову, чтобы посмотреть, что там в коридоре. Может, уже мертвецы идут?

– Кто поднимется-то?

– Мертвец возьмет и поднимется.

– Как мертвец может подняться, если он мертвый? Он, как камень, лежит и не шелохнется. Ну, ты тоже скажешь!

– А по телеку сколько раз показывали, как мертвецы поднимаются и убивают людей. Они такие страшные и очень сильные. В них стреляют. Они сначала падают, а потом снова поднимаются. И идут.

– Это же неправда! Это только в кино показывают.

– Ага! Если была бы неправда, то не показывали по телеку. И люди бы не смотрели бы телеки. Если показывают, значит, правда.

Какая же она всё-таки еще глупая Оксанка! Как маленький ребенок! И ведь ничего ей не докажешь.

– Ну, вот смотри, Оксана! Меня не показывают по телеку. Так значит, я неправда? По-твоему так получается. А я же

правда?

– Меня тоже не показывали ни разу по телеку,– сказала Оксана. И вздохнула.

Ей не совсем было понятно, куда клонит Даша. Что-то уж слишком заумное, а такое она не любила. Привыкла умничать!

– Выходит, что и мы тоже упыри,– сказала Оксана. – Ведь так же, Даша?

Эти слова застали Дашу врасплох. Она задумалась, стараясь понять логику подруги. Люди умирают. И она, Даша, тоже должна когда-то умереть и превратиться в камень. Жила-жила и раз умерла. И ее закопают в глубокую яму. И ее больше никогда не будет на земле. Но разве такое может быть, что ее никогда не будет? Как же она может не быть? Не будет больше мамы, брата, Полины, Оксаны, их школы, не будет голубого неба, их родного города, она никогда не увидит птиц и не услышит их пения. И сама не запоет. И не затанцует.

– К тому времени, когда мы будем очень старыми и нам придет пора умирать, ученые придумают такое лекарство, что люди уже никогда не будут умирать. Они будут всегда жить. Вот!

Дашины слова вполне успокоили Оксану. Вот с этим она была полностью согласна. Умереть могут другие, но она, Оксана, умереть не может, так не бывает, чтобы она умерла. Это просто глупость какая-то!

Когда Оксана была совсем маленькой, ее возили в деревню к бабушке. У бабушки была еще бабушка, точнее мама бабушки. Она была очень старенькая, низенькая и сторбленная. На лице и руках у нее были глубокие морщины, в которые можно было даже вложить карандаш и он не упадет. Оксана даже несколько раз порывалась это сделать. Целыми днями она сидела в своей маленькой комнатке у окна, смотрела на улицу и молчала. Изредка поднималась и медленно, шаркая тапочками (ног она не поднимала), шла на кухню. Оксана, подставив детский стульчик, забиралась на кровать, которую бабушка каждое утро подолгу заправляла постаромодному, как это делали еще ее родители. Она стелила несколько одеял, сверху покрывало, на которое ставило две больших подушки, набитых куриным пером, ромбиком, а между ними вышитую салфетку. И всё это было ровненько, как по линейке.

Бабушка тогда подымалась со стула, стояла возле нее и, качая головой, повторяла одну и ту фразу, как мантру:

– Нехорошая девочка! Нехорошая!

А еще Оксана любила копаться в ее многочисленных баночках, коробочках, шкатулочках, в которых были нитки, иголки, булавки, пуговицы, разноцветные лоскутки и множество других мелких предметов. Оксане было интересно всё это раскладывать на столе. Бабушка долго и подробно рассказывала ей, для чего каждая эта маленькая вещичка. У каждой вещички была своя баночка, коробочка или шкату-

лочка. Когда ее в очередной раз привезли в деревню, первым делом она заглянула в комнатку бабушки. Никакой бабушки там не было. И в комнатке произошла разительная перемена. Оксана застыла на пороге, не решаясь переступить его. Высокотелевизионной кровати не было. А на ее место стоял диван с высокими коричневыми подлокотниками. Раньше этого дивана в доме не было. Значит, его купили. Бабушки тоже не было. И сундука ее не было.

– А где бабушка? – спросила Оксана. – Почему ее здесь нет?

Она заглянула в другую спальню и зал. Там тоже бабушки не было. А на улице, сколько помнила Оксана, бабушка не выходила. Баба Аня, она была женой деда, который был сыном бабушки, сказала, что бабушка умерла, ее больше нет. Ее похоронили.

– Умерла? – переспросила Оксана, не понимая, что это могло означать. Нет, она, конечно, знала, что некоторые люди умирают.

– Она закрыла глаза и перестала дышать, – сказала баба Аня. – И ее отнесли на кладбище. И там похоронили.

– Я тоже закрываю глазки, когда сплю. Но я живая, – сказала Оксана. – И меня не относят на кладбище. А, может быть, она придет? Только вот кровати ее нет почему-то. Куда же она ляжет?

– Она не придет. И никогда не откроет глазки. И кровать ей больше не нужна.

– А где она спит? – спросила Оксана. – Она что и кровать с собой забрала, где спит сейчас? Так выходит?

– Бабушку закопали в ямку. Глубокую такую ямку.

– В ямку? Зачем?

Оксана никак не могла понять, зачем человека нужно закапывать в ямку. Ну, в песок. И то немножечко. Как на пляже.

– Когда человек умирает, роют яму и закапывают его. Это называется могила.

– А зачем закапывают? Ему же там плохо.

Дедушка, стоявший в коридоре, махнул рукой и вышел на веранду. На веранде он обычно курил. Дома, когда он курил, бабушка ругалась.

– Так всегда делают, потому что человек уже не живой. Он не должен быть рядом с живыми людьми. И поэтому их закапывают в землю на кладбище. Там очень много могил. Когда-нибудь сходим...

Оксана задумалась, представила, как она лежит в яме. Там очень темно. И никого нет, только одна земля кругом. Не с кем даже поговорить и поиграть. Нет! Она в яму не хочет. Но раз там так плохо, зачем же людей закапывать в яме? Ничего не поймешь у этих взрослых. Они порой делают такие глупые непонятные вещи, наверно, сами не знают для чего. Вообще, в поведении взрослых многое было недоступно ее сознанию и казалось совершенно нелепым. Например, взрослые могли целый день сидеть за столом, есть и пить водку.

И болтать что попало.

– А еще, может быть, ученые придумают, чтобы люди не только не умирали, но и чтобы не были старыми. Старые часто болеют. Некоторые ходят с палочкой и не могут бегать. И у них болит всё, – сказала Даша.

– Я не хочу быть старой, – согласилась Оксана. – Уж лучше в школу ходить, чем быть старой. Фу!

Ей опять вспомнилась бабушка из деревни, которая даже на улицу не выходила, потому что ей было тяжело ходить. И сидела целыми днями у окна.

В самом конце коридора показалась знакомая фигура. Девчонки радостно взвизгнули, а тут же зажали ладошками рты, потому боялись громких звуков в пустынной больнице. Здесь кругом такая тишина!

– Идет! – прошептала Даша. – Видишь?

– Вы здесь? – спросил охранник, подойдя к ним. – Ждете?

– А где Полина? Что с ней?

Парень вытер рукавом пот со лба. В коридоре не было жарко. Но, наверно, там, куда он заходил, было жарко. А иначе с чего бы он вспотел? Охранник поглядел по сторонам. Сунул руку в карман.

– Что Полина? Всё нормально! Дали ей понюхать нашатырю. Сейчас укольчик поставят, и ваша Полина будет как новенькая. Впечатлительная девочка. А в нашей жизни это не всегда хорошо. Нужно быть потолстокожей!

– А вы настоящий герой! Может быть, вам даже дадут ме-

даль. Ведь вы спасли Полину. А когда кто-нибудь спасает человека, ему дают медаль. Я видела по телеку, как дяденьке давали медаль, – сказала Полина.

– Я герой? – удивился парень. – Ну, ты даешь, мелкая! Нашла героя!

Он рассмеялся. Потом почесал за ухом. Покачал головой.

– Еще никто меня не называл героем. Шалопаем называли, дураком называли, а героем нет не называли.

– Все, кто спасает людей, герои, – продолжала настаивать Оксана. – И за каждого спасенного человека герою дают медаль. Иногда даже сам президент дает медаль. Я по телеку видела. Президент давал герою медаль.

Парень кивнул и улыбнулся.

– Ну, тогда, к вашему сведению, многожды герой. Моей груди не хватит для всех медалей. И президенту некогда будет заниматься международными делами, только и будет цеплять мне медали. Куда я их буду вешать?

– Да? – удивились девчонки. – Правда?

– Конечно, правда!

Парень сделал серьезное лицо. Провел рукой по груди, как бы показывая, сколько медалей на ней может уместиться. Высоко задрал голову.

– Ладно, девчонки! Мне надо на пост! А то попадет от начальства! Оно у меня строгое!

Он вышел. Даша опять выглянула в коридор. Там показались две фигуры. Одна большая в зеленом костюме и зеле-

ной шапочке. Это была медсестра. Она была такая полная, что шла, переваливаясь, как утка, и каждый раз шумно выдыхала, сделав несколько шагов. Рядом с ней шла Полина, понутив голову.

– Полина! Мы здесь! – завизжали девчонки. – Иди к нам!

Они медленно приблизились. Медсестра, отдуваясь, строго посмотрела на девчонок, наверно, из-за того, что они громко закричали. А может, она вообще была строгим человеком. Выдохнула на них горячую струю воздуха.

– Берите свою подружку! – сказала медсестраи подтолкнула слегка Полину.

То, что это была медсестра, было ясно по бейджику, на котором были написаны имя, отчество, фамилия и слово «медсестра». Еще и цветная фотография, на которой она выглядела моложе.

– Будь моя воля, я бы их этих гонщиков... Куда только ГАИ смотрит! – сурово сказала женщина. И опять горячо выдохнула на них.

Да, встреча с ней гонщикам бы не понравилась. С такими лучше не ссориться.

– Нормально всё с вашей подругой, девчонки! Напугалась сильно. Идите домой. Пусть дома попьет сладенького чая, поспит. Глядишь и забудется. Охо-хо-хо!

Он снова чуть подтолкнула Полину к ним навстречу.

Медсестра пошла дальше по коридору, тяжело вздыхая. Полина выглядела усталой. Она угрюмо поглядывала на по-

друг и молчала. Даша с Оксаной даже подумали, что не считает ли она их виновными. Ведь с ними-то ничего не произошло.

– Ты, Полина, чего так? – спросила Даша. – Да ладно уж пойдем, чего стоять? Пошли!

Она взяла Полину за руку. Рука у нее была теплой, и это успокоило Дашу. Значит, всё в порядке. Надо вести подружку домой.

Они вышли из больницы. И вначале зажмурились от яркого солнца, которое светило по-летнему. Деревья их приветствовали радостным шелестением листвы, как будто они целую вечность пробыли в больнице. Сидевшая на длинном бетонном крыльце стая воробьев дружно вспорхнула и убралась прочь. Что они делали на крыльце, непонятно. Может, поджидали подружек?

– Здесь пойдем! Хорошо?

Полина показала на узкую заасфальтированную дорожку, которая тянулась вдоль фасада больницы. Подруги сразу поняли почему. Они пошли по дорожке. Когда закончилась больница, через несколько метров началось здание профилактория-санатория. Так было написано крупными буквами наверху. Двое мужчин и одна женщина бродили по крыше профилактория. Они молчали. Может быть, так требовала врачебная процедура. Крыша профилактория называлась «солярием», то есть там принимали солнечные и воздушные ванны. Никаких ванн, конечно, не было, а просто бродили

по крыше. Туда-сюда!

Между профилакторием и дорогой стояли деревья и густой кустарник, поэтому дорогу не было видно. А за профилакторием начиналось бескрайнее поле, переходившее в Кулунду. Так называется эта степь.

Здесь стояли скамейки с бетонными подлокотниками, круто изогнутыми. За столиком сидело пятеро мужчин. За ними стоял мужчина, державший руки за спиной. Мужчины громко били костяшкaм по столу. И кричали:

– А вот так мы ее!

– А мы вот так ее!

– А вот и рыба! Съели?

– Ну, блин! Опять!

На следующей скамейке сидели женщины. На мужчин они не обращали совершенно никакого внимания.

– Я ей говорю, брось ты его, Надька!– говорила полная женщина с белыми волосами. – Мало того, что алкаш, так еще и баб водит. Как-то она раньше пришла с работы, а он с очередной куваркается в кровати. Представляешь?

– Убила бы! Господи прости!

Женщина перекрестилась.

– Здравствуйте! – почему-то поздоровалась Полина и остановилась.

Женщины замолчали. Внимательно посмотрели на них. Одна женщина кивнула и улыбнулась.

– Здравсьте, девочки!

– Ну, и что она ему сделала? – спросила другая женщина. Оксана хотела узнать, что она ему сделала. И тоже оставалась.

Даша потянула их за собой. Девчонки прошли мимо. И Оксана так и не узнала, бросила ли Надька мужика. В ее жизни это очень может пригодиться. Хотя она твердо знала, что все мужики – сволочи. И всем им только одно надо.

Слева, сразу за профилакторием была спортивная площадка. Мужчины пинали мяч и громкими криками сопровождали каждый удар. Одеты они были в больничные костюмы.

– Куда ты бьешь? Смотри, куда бьешь!

– Давай пас! Ну!

– Тебя сзади догоняют! Притопи!

– Я не люблю футбол! – сказала Оксана. – Там толкаются и пинают. Чего хорошего?

– У меня мама смотрит футбол, – сказала Даша. – Дядя Ваня приучил ее смотреть футбол. И до сих пор смотрит.

Дядя Ваня был вторым мужем мамы. С первым, Дашиным папой, мама развелась, когда Даша была совсем маленькой.

С дядей Ваней она познакомилась в тюрьме. И когда еще дядя Ваня сидел в тюрьме, она родила братика Ивана. Два года назад дядя Ваня умер. У него разложилась печень. И сейчас они жили втроем. Мама работала продавщицей. Ваня уже ходил в четвертый класс. И продолжал какать в штанишки. Поэтому с ним никто не хотел сидеть. Мама его лечила, возила к бабушке-знахарке, но не вылечила. А так Ва-

ня был бойкий, даже хулиганистый мальчишка с черными цыганскими глазами. Непоседа страшный!

Улица Тургенева закончилась. Дальше впереди начинались одноэтажные дома. Как их называли, частный сектор. В этом частном секторе жила Оксана. Поэтому решили проводить сначала Оксану. А потом уже Полину.

– А мне нравится, когда в доме печка. Я у бабы в деревне даже сама один раз растопляла печку, – сказала Даша. – Главное, чтобы дрова были сухие, тогда они сразу загораются. Только спичку поднеси!

– Ага! – подхватила Оксана. – Ты только один раз растопляла печку, а баба ее топит всю зиму. Это надо сначала почистить печку. И чистить надо аккуратно, чтобы из нее сажа не летела. А то будешь каждый месяц кухню белить. Вот и потаскай всю зиму дрова и уголь! А еще их надо купить. Уголь перекидать, дрова сложить. Нравится ей печку топить! Один раз растопила и довольна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Даша обиженно промолчала. Вот вечно это Оксанка всем недовольна. И ее кто-то потянул за язык с этой печкой. Хотя, действительно, так здорово смотреть на огонь, который лютует в печке. Даша вспомнила деревню, где жили ее дедушка и бабушка.

– А мы живем в своем доме, но у нас центральное отопление, – сказала Полина. – А когда я была маленькая, мы тоже топили печку. Она и сейчас у нас стоит. И мама иногда ее затопляет. Ну, когда еще не топят.

Оксана захихикала, зажимая рот ладошками.

– Ты чего, Оксанка? – удивилась Полина. – Не веришь что ли? Чего смеешься?

– А как твоя мамка затопляет печку? Льет на нее воду что ли? Из ведра, да?

Полина юмора не поняла и удивленно переспросила:

– Зачем на печку лить воду? Ты что с ума сошла? Совсем уже того?

Даша с Оксаной засмеялись и отвернулись от Полины.

– Не поняла прикола! – обиделась Полина. И фыркнула.

Навстречу шла тетенька с длинной таксой на поводке. Девочки дружно заулыбались. Собака была такая длинная, как

гусеница. Хвостик у нее волочился по земле.

– Здравствуйте! – поздоровалась Даша и остановилась.

Женщина с недоумением посмотрела на них. И тоже остановилась.

– Здравсьте! – сухо сказала она, с подозрением оглядывая девчонок.

– А как зовут вашу собачку? – спросила Даша и наклонила голову.

Женщина с умилением посмотрела на собачку. Вытянула губы вперед.

– Даночка! Собачка моя!

– А можно ее погладить! Она не укусит?

– Погладьте, девочки! – согласилась женщина. И снова с умилением посмотрела на собачку.

Подружки присели на корточки и каждая погладила таксу, говоря ей ласковые слова.

– Умная собачка! Хорошая собачка! Красивая собачка! – приговаривали они.

Такса била хвостиком по земле.

– Даночка! – протянула женщина. И еще ниже склонилась над ней.

– Ваня тоже просит у мамы купить собачку, – сказала Даша, когда женщина с таксой пошла дальше. – Но для квартиры надо маленькую собачку. А чем собачка меньше, тем она дороже стоит. Хотя еще и на породу надо смотреть.

– А у нас во дворе сидит дворняжка, – сказала Полина. –

Злючая такая, спасу нет! Даже я боюсь ее, вынесу ей еду и палочкой подталкиваю к конуре. А вдруг она укусит меня. У нее такие острые зубы!

Они подошли к дому Оксаны. Дом был не очень большой, обшитый зеленым сайдингом, впрочем, как и забор с уличной стороны. Рядом с домом был кирпичный дровенник и уличный туалет из досок.

– Ну, пока, девочки! Всем привет!

Оксана сделала вялый жест рукой, поправила лямку рюкзака и открыла уличную дверь. Полина с Дашей уже собрались уходить, как услышали за спиной крик Оксаны:

– Девчонки! Погодите! Постойте же!

Оксанка выскочила на дорогу, но уже без рюкзака. Полина и Даша остановились.

– Замок. Никого дома нет. Странно! Маринка-то должна быть дома. Ну, дядя Костя, может быть, задержался на работе. А Маринка должна быть.

– Ну, и что? Что теперь?

– Не хочу быть одна дома. Мне страшно.

И шепотом, оглядевшись, добавила:

– Когда я одна, у нас обязательно мышь бегает по кухне. А их боюсь. Я провожу вас. И они уже вернутся домой. Кто-нибудь обязательно в это время будет дома. Или Маринка или дядя Костя, или оба сразу.

– Ну, пойдем тогда проводим Полину, а потом меня и ты пойдешь домой, – предложила Даша. – Ты согласна?

– Ага! – занюнила Оксана. – Хитрые какие! Я одна не хочу! И меня тогда проводите!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КТО ЭТО ТАМ?

Они свернули на другую улицу. Но перед этой другой улицей был пустырь, где росли раскидистые клены, с которых ветер обдувал «парашютики», а возле их могучих ног кучковались кусты. А под кустами трава.

– Стойте, девочки! – неожиданно прошептала Полина, ухватила Оксану за рюкзак и потянула назад.

Девочки остановились. Мало ли что! Может быть, Полине в голову пришла гениальная идея! Полина показала в сторону толстого корявого клёна. Ну, клён и клён.

– Смотрите туда! Смотрите!

Она зажала ладошкой рот, как будто боялась, что может закричать и тогда ее может услышать кто-то, кого им нужно бояться. Даша и Оксана посмотрели в ту сторону, куда показывала Полина, но не увидели там ничего такого, чего стоило бы опасаться. Клён, кусты, травка...И чего это она?

– Ты чего? Там же ничего нет! Что ты там увидела?

– Да вон кустик рядом с клёном! Внизу посмотрите! Из-под кустика выглядывает! – зашептала Полина, показывая рукой.

– Ой! – взвизнули девчонки и попятились.

Из-под кустика торчала женская ножка в узкой свет-

ло-синей джинсе, носочек красной туфельки был устремлен вверх, а каблучок-шпилька упирался в землю, воткнувшись в нее, как гвоздик, и позволял ноге сохранять полусогнутое состояние. Она не шевелилась.

– Кто-то лежит, – прошептала Оксана, пятясь еще дальше назад.

– Это женщина. А может быть, девчонка, – тихо сказала Даша и схватила Оксану за руку. Губы у Оксаны побелели.

– Мне страшно! Пойдемте назад! – прошептала Оксана. – Чего мы стоим?

Дашу ее предложение не устроило. Убежать проще простого!

– Ага! Это сколько нам тогда топать до твоего дома! Целый километр! Я домой опоздаю! – сказала она. И тут же подумала, что, может быть, и зря не согласилась с подружкой. Но отступить было некуда.

– Вдруг она убитая! Брр! – прошептала Оксана, передернулась и зажмурила глаза.

– Я по телевизору смотрела. Там один маньяк в городском парке по ночам охотился за девушками и убивал их. Потом его, конечно, поймали. Но сколько он успел убить девушек! Ужас!

Это уже Полина. Атмосфера, как говорится, сгущалась и накалялась.

– Кто же днем будет убивать? – рассердилась Даша. – Днем же люди ходят!

Ей так хотелось выглядеть мужественной. Пусть девчонок считают трусихами, но она не из таких. Она всё выяснит.

– Убивают вечером или ночью, когда темно, чтобы никто не видел и не поймал, – проговорила Даша, стараясь сохранить спокойствие, но ее губы мелко подрагивали и она чуть присела в коленях. – Днем не убивают. Столько народу ходит! Убийца же не дурак. Зачем ему свидетели?

– А давайте подождем, когда кто-нибудь пойдет, и скажем ему! – предложила Полина. – Лучше, если это будет парень или мужчина.

Ей показалось это очень разумным. Она даже сама не ожидала от себя такого.

Но Даше это предложение не очень понравилось. Она поморщилась.

– А вдруг ей плохо. И нужно вызвать «Скорую помощь». А мы будем стоять и ждать, когда кто-нибудь пройдет. Давайте, девочки, посмотрим! Идемте же! Ну, что вы?

Подруги колебались. Оксана прикусила нижнюю губу и нервно дергала себя за волосы.

– Чего вы? – удивилась Даша. – Мы же только поглядим! Если ей плохо, позовем кого-нибудь. И спасем человека.

Даша вздохнула и шагнула вперед. Ей было страшно.

Она пошла вперед мелкими шажками. Девчонки следовали за ней на некотором расстоянии, то и дело останавливаясь и поглядывая по сторонам, высматривая, куда лучше убежать. Чем ближе Даша подходила к клену, тем сильнее на-

растал в ней страх. И она уже не раз выругала себя за то, что решилась на это. Лучше бы послушала подружек. Нужно было вернуться назад. Или ждать кого-нибудь взрослого. А вот теперь она не знала, что ее ждет в самом скором времени и воображение рисовало самые страшные картины. Вдруг как подскочит!

Отступать было уже поздно. Девчонки будут считать ее трусихой. Когда до туфли оставалось несколько шагов, Даша остановилась, повернулась к подругам и приложила палец к губам. Они закивали. Даша наклонила голову набок, потом присела, потом опустилась на колени и поползла к кусту. Девчонки стояли на месте и смотрели на нее со страхом. Даша замерла на месте и долго глядела. Полина и Оксана взялись за руки. Всё-таки Даша была смелой. Они никогда бы не решились на такое. Брр! Ужас!

Даша поднялась, повернула голову и прошептала:

– Она пьяная, девчонки. Как мама моя говорит, в дрободан. Так только пьяная может лежать.

Оксана и Полина переглянулись. Даша отряхнула грязь с колен и подошла к ним. Победоносно взглянула на них.

– Пьяная? – переспросила Полина. – Как пьяная?

Даша кивнула. И улыбнулась.

– Пьяная! Не бойтесь! Не укусит! Спит крепким пьяным сном.

Она пошла снова к клену. Девчонки какое-то время постояли в нерешительности, потом робко двинулись за ней.

Девушка лежала на спине. Трава вокруг нее была примята. Колени у нее были согнуты, шпильки каблуков упирались в землю, а носочки торчали вверх. На ней была оранжевая футболка с изображением монстра, с клыков которого капала кровь, и узенькие джинсы, которые далеко не доходили до пупка. В пупке было кольцо. Левая ладонь покоилась на плоском животе, а правая лежала на лбу, как будто она проверяла, не горячий ли у нее лоб. Голова была повернута на бок. Помада вокруг рта размазана, а тушь с ресниц потекла тоненькими ручейками по впалым щекам. Волосы были растрепаны.

Из приоткрытого рта бежала струйка слюны. Девушка то и дело вздрагивала и начинала что-то бормотать. Но как Даша не прислушивалась, ничего не могла разобрать. Девчонки подошли и молча стали разглядывать пьяную девушку. Так глядят на обитателей клеток в зоопарке с интересом и в то же время с пониманием, что мы-то люди, а там за клеткой – нет. Ладно, валялся бы мужик, пацан в конце концов. В их школе взрослые пацаны пили пиво даже на переменах. А кто-то хвалился, что пьет водку. Тут всё ясно. Такое они уже видели не раз. Валяющихся пьяных мужиков, которые ничего в них, кроме страха и брезгливости не вызывали. И они старались быстро обойти их. Пацаны, когда напиваются, тоже становятся страшными и могут тебе сделать что-нибудь плохое, поэтому их тоже лучше обходить стороной, лучше уж не встречать их на своем пути. От таких только одни непри-

ятности.

С пьяной девушкой, валяющейся под кустом, они столкнулись впервые. Ладно была бы еще бомжиха, но судя по тому, как она была одета, как выглядела да и сам возраст ее, всё говорило о том, что это вполне нормальная девушка. И татушка на животе недешевая.

– А может, ее напоили,– сказала Полина. – Ну, какие-нибудь пацаны или дядьки. Одна же она не могла тут сидеть и пить. И пустая бутылка всего одна из-под пива. С нее она не могла напиться. Ведь так же?

– Как это можно напоить человека? – усмехнулась Даша. – Вот если я не пью, как меня можно напоить? Я же не буду пить. И всё! Не будут же мне насильно вливать в рот? И ей никто в рот не вливал.

– Мама рассказывала, что у нее была подруга, которая не пила. Даже в рот не брала спиртного. Все пьют спиртное, а она какие-нибудь напитки или там чай, или кофе. И никто ее не мог заставить,– рассказывала Полина.

– Ну, вот видишь,– сказала Оксана, – никто же ее не мог заставить. Если я не пью водки, меня никто не заставит ее пить. А ты говоришь, что ее напоили. Если бы сама не пила, ее никто бы не напоил. Так же, Даша?

– Ну, ты слушай дальше! Был праздник. И ее решили напоить. Сговорились между собой. Ей наливали в бокал пепси-колу и немного водки добавляли так, чтобы она не заметила. Сначала она удивлялась, что у пепси-колы какой-то

вкус не такой. Ей сказали, что это новая пепси-кола, она и поверила. Все пьют, кто водку, кто вино, кто пиво, а ей пепси-колу наливают. Все уже веселятся. И она стала веселиться. Все стали танцевать. И она танцует. Потом песни стали петь. И она поет. Еще несколько раз выпила свою пепси-колу и уснула. Прямо за столом.

Девушка замычала. Девчонки попятились назад. Первой остановилась Даша и рассмеялась. Подошла поближе к клёну.

– Вы что напугались, что она вас укусит? Ой, трусихи какие!

– Ага! – протянула Полина. – Пьяные, знаешь, какие могут быть. Вот у нас как-то был праздник. Я уже не помню какой. И тетя Лида была. Напилась вдробаган. Сначала орала, материлась, курила одну за другой. А потом побила тетю Людю. У той даже синяк был.

– Вот, Полинка, у тебя вечно какие-нибудь истории! – прошипела Оксана. – Прямо настоящий историк!

– Какие у меня истории? А?

– Какие-то ненормальные! Вот какие!

– А у тебя и вообще никаких нет! А говоришь!

– А вот и есть! – крикнула Оксана. – Еще какие!

– А чего ж ты тогда не рассказываешь? Потому что у тебя их нет.

– Я не...

Оксана осеклась, не найдя сразу что ответить. Но и про-

молчать она не могла. Тогда это была бы не Оксана.

– Потому что я скрытная. Да уж пойдемте, девочки, отсюда! Не посмотрелись что ли? Нашли на что смотреть! Фу!

Оксана, сморщив лицо, отвернулась. Но Даша строго посмотрела на подругу и сказала:

– А если ей плохо? Мы сейчас уйдем, а она умрет. Надо вызвать «Скорую помощь». Это наш долг.

– «Скорая помощь» не возит пьяных, – сказала Полина. – Однажды у нас был праздник. И тете Тае стало плохо. Она побледнела и упала прямо на пол. Все так перепугались. Забегали...

– Хватит! – хором простонали Даша и Оксана. – Достала своими историями. «У нас был праздник. И кто-то обязательно напился».

– Задолбала уже своими праздниками! – сердито сказала Оксана. – Праздничная вся такая!

– Ах так! – обиделась Полина. – Тогда я буду молчать. Вот даже захотите, чтобы я сказала, а я буду молчать. Вот так! Слова больше от меня не услышите! Умные какие! Я им рассказываю, как у нас было, а они не хотят слышать. Потому что у вас так не бывало! Вот вы и злитесь!

– У нас ни у кого нет телефонов, – сказала Оксана. – Как же мы позвоним в «Скорую помощь»? Да пойдемте уже, девочки! Меня будут ругать, если я поздно прийду. Дядя Костя не любит, когда я поздно прихожу. Вон тетенька идет! Давайте ей скажем!

Оксана показала на грузную женщину в длинной серой кофте, которая опускалась почти ей до колен. Она держала раздутый черный пакет. Значит, она шла из магазина. Женщина смотрела строго вперед, как будто впереди перед ней маячила какая-то заманчивая цель. А может, просто в той стороне был ее дом.

Девчонки побежали к ней, махая, чтобы она остановилась.

– Тетенька! Можно вас? – выкрикнули хором.

Женщина остановилась. Строго поглядела на них.

– Чего вам, девочки, надо? Чего это вы?

– Пойдемте с нами! Пожалуйста, пойдемте с нами!

– Куда это я должна идти с вами? – спросила она недобрым голосом и неприязненно оглядела девчонок. Да нет, выглядят вроде бы нормально.

– Туда вон пойдемте! Это очень надо!

Даша показала на старый клен, под которым был густой куст.

– И с чего это я должна с вами туда идти? Больно надо это мне.

Губы женщины вытянулись вперед. Видно, она еще что-то хотела сказать.

– Девушка там лежит. Прямо на землек.

– Как девушка? Как на земле?

Лицо женщины побледнело, губы втянулись назад и челюсть медленно стала опускаться вниз. Она напугалась.

– Это... она что мертвая: – шепотом спросила женщина. –

Ах ты!

– Нет! Она не мертвая. Она пьяная лежит. А возле нее бутылка пива. И пахнет от нее водкой. Вот!

– Вы меня перепугали! Хотя я не видела, чтобы девки пьяные на улице валялись. Ну, мужики пьяные валяются – это сколько угодно. Ну, пойдём посмотрим на эту срамоту! Тьфу ты!

Они подошли к клену, под которым лежала девушка. Женщина наклонилась и близоруко стала всматриваться в лицо. Пакет она поставила возле ног. Из пакета выглядывал хлебный батон. Но были еще пакеты с чем-то.

– Это же Сонька Васильева! – вскричала женщина. – Наркоманка она, девочки. Лярва!

Кончик носа у нее презрительно задрался вверх. Губы искривились.

– Наркоманка? – воскликнули девчонки. – Ничего себе!

Про наркоманов они, конечно, знали. Да и кто про них не знает. Если по телевидению больше говорят про наркоманов, чем про ненаркоманов. Во всех классах, наверно, кроме первоклашек, в начале учебного года были проведены классные часы про наркоманов, поскольку это было обязательное требование сверху. Детям показывали презентации. А там такие страшные фото: наркоманы с темно-багровыми пятнами на ногах, дети-уродцы, которые рождались у наркоманов, наркоманы с ужасными лицами во время ломки. Бррр! Смотреть на это было очень неприятно. Тем более, что классные

руководители говорили, что это не из фильмо ужасов, а реальные фотографии. Но ведь это же вроде нормальная девушка! Вон у нее какие стильные джинсики. Поясочек чуть выше бедер. И весь плоский живот с пупком, в котором колечко, обнажен. Не похожа она на наркоманку.

– Да она или колетса, или нюхает, кто ее знает, – говорила женщина. – Ее даже один раз в реанимацию отвозили, откачивали. Ничего вот выкарабкалась. И опять за свое принялась. Она в Скупино в медучилище на фельдшера учится. Вот, девочки, какой у нас фельдшер скоро будет. Он нас быстренько всех вылечит на тот свет. Это что же творится! Ее саму надо лечить, шалаву чертову! Ох, детки пошли! Убивать надо! А родителям какое горе? Разве они ее для этого рожали, учили, кормили, воспитали? Вот так-то, девочки! Мать-то жалко! Переживает за дочь, плачет. А ей-то что материнское горе, шалаве чертовой? Убила бы!

Так, наклонившись, женщина долго стояла над девушкой, всматриваясь в ее лицо и как будто надеясь там увидеть нечто такое, что бы ей объяснило, почему же она такая непутевая. Наконец женщина выпрямилась и тяжело вздохнула, взяла раздувшийся пакет, посмотрела на него сверху, всё ли на месте. Мало ли что!

– Ну, ладно, девочки! Чего стоять-то? Идите, куда шли! Вас, наверно, давно уже дома ждут. А я зайду к Васильевым. Они недалеко от меня живут, через несколько домов. Скажу матери. Ой, горе-то ей какое! А этой-то что до материнского

горя, шалаве чертовой! Убила бы!

Женщина снова наклонилась над девушкой и замахнулась свободной рукой, как будто хотела ее ударить. Но не ударила.

– Никогда, девочки, с этим делом не связывайтесь! Самое последнее это дело, наркотики-то! Жизнь свою с таких лет загубить! А если еще и родит какого-нибудь уроды, шалава чертова! Учитесь хорошо! Маму с папой слушайте! Учителей слушайте! Они вас ничему плохому не учат. Только хорошему. Потом вуз закончите, замуж выйдите, деточки у вас будут. Всё будет хорошо! А у этой уже ничего хорошего не будет, шалавы чертовой! Убила бы!

Женщина заглянула в пакет, проверяя все ли на месте. Всё было на месте.

– Так, что, девочки, учитесь и слушайте взрослых. И не берите пример вот с таких, как эта, шалава чертова! Убила бы!

– Ну, мы пойдем? – спросила Даша. – А то нам домой пора. И так уже долго идем. Дома, наверно, беспокоятся.

Даша просительно заглянула в глаза женщины. Она слышала, что по глазам можно узнать добрый человек или нет. У женщины были маленькие серые глаза. Они ничего не сказали Даше. Совершенно невыразительные глаза.

– Идите, девочки. Я скажу ее матери. Васильевы от меня через несколько домов живут. Вот снова радость-то матери. Я бы ее давно убила, шалаву чертову! Ишь развалилась! У!

Девчонки уже отошли на некоторое расстояние. Даша по-

вернулась. Женщина снова поставила пакет возле ног, наклонилась над девушкой и рылась в карманах ее джинсов. Девушка не шевелилась.

– Шалава чертова! – крикнула Даша. – Убила бы!

Девчонки дружно захохотали. Женщина подняла голову. Пустырь закончился и снова началась улица, на которой стояли разномастные одноэтажные частные дома. Возле многих домов легковые автомобили. Чем лучше дом, тем круче машина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДУБРОВСКИЙ И ШАХТЕР

– Вместе весело шагать по просторам! – неожиданно запела Оксана. – По просторам! По просторам!

Голосок у нее был глуховатый. И как она ни старалась петь весело, получалось не очень весело. А как-то пугающе.

– Чего это ты? – удивились подруги. Они остановились и уставились на Полину.

Шла-шла, вроде всё нормально было. И вдруг запела? Но человек же не может ни с того ни с сего запеть прямо на улице? Где вы такое видели?

– Вот чего! Смотрите сюда живо!

Оксана сильно надула щеки. Глаза у нее округлились и казалось, что вот-вот они выскочат из орбит. Даша и Полина переглянулись между собой. Не заболела ли она?

Оксана затолкала указательный палец в рот, а потом резко выдернула его. Раздался громкий и сухой щелчок, как будто сломали о колено сухую ветку. Даша и Полина смотрели на подругу во все глаза. Потом громко рассмеялись. Как это замечательно получилось у Оксаны. Чпок! Подруга открылась для них с совершенно неожиданной стороны. Почему она раньше этого не показывала?

– Покажи еще! – попросила Даша. – Ну, пожалуйста, Ок-

саночка!

Оксана снова раздула щеки, затолкала палец и резко выдернула его. Чпок! Даже громче, чем в первый раз. Даже в ушах зазвенело.

– Офигеть! – восхитилась Полина. – Вот это класс!

И попробовала сделать то же самое. Раздула щеки, затолкала и выдернула палец. Никакого звука! Ни малейшего звука!

Даша и Оксана поморщились. Не умеешь – не дергайся!

– Поинка! Никакого чпока! Совершенно никакого чпока!

– А я что виновата? – обиделась Полина. – Ну, не получилось.

Даша тоже попробовала. Тоже никакого чпока. Может быть, у них пальцы не такие?

– Как это у тебя получается, Оксана? Вон какой громкий чпок! А у нас ничего, никакого чпока! – они смотрели подобоострастно на подругу.

– Во всем нужна сноровка, закалка, тренировка! – отбарабанила Оксана. – Мы рады вас приветствовать у себя на мастер-классе. Только, пожалуйста, будьте внимательны и отключите свои телефоны! Дядя Ваня всегда так говорил, когда что-нибудь показывал.

Подруги переглянулись. Это еще что за новости?

– Какой еще дядя Ваня? – спросила Даша. – Ты про него никогда не рассказывала. У тебя еще один есть дядя?

Оксана сконфузилась. Она и не собиралась им рассказывать о дядя Ване. Вот как-то само по себе вырвалось. И она себя сейчас корила за то, что такая несдержанная, не умеет держать языка за зубами. И кто ее тянул за язык?

– Никакой! – буркнула Оксана и отвернулась от подруг. Может быть, отстанут?

Запал веселья сразу в ней пропал. Ей больше совсем не хотелось надувать щеки и чпокать. Не будет же она каждому встречному и поперечному рассказывать, что когда-то дядя Ваня целых два месяца ходил к ним. Он работал таксистом и часто подвозил маму. В пятницу вечером он приходил, они сидели с мамой на кухне и пили пиво и водку, и часто и громко смеялись. Дядя Ваня был мастер рассказывать смешные истории и анекдоты. Тогда он оставался у них ночевать. Они крепко закрывали дверь детской, но Оксана все равно слышала, как они смеялись и барахтались и говорили разные нескромные слова. И Оксане было стыдно за маму.

– Опять своей лахудре сказал, что на рыбалку с ночевкой поехал? – смеялась мама. – Ведь так же?

Оксана не понимала, что можно делать ночью на реке, ведь рыбы не видно. И ночью рыба, наверно, тоже спит. Или жена дяди Вани не знает об этом?

– А куда же еще! Рыбалка – это святое! – смеялся дядя Ваня. И мама тоже заливалась звонким смехом.

– Смотри поймаешь когда-нибудь на свою удочку рыбку с тремя перьями! – весело говорила мама.

Они дружно хохотали. Иногда дядя Ваня выходил покурить.

Дядя Ваня был веселым. Он не знал, что это такое грустить и печалиться. И глаза у него были веселые. И улыбка никогда не сходила с его широкого лица. Говорить о чем-то серьезном он не мог. Оксану он почему-то сразу стал звать Шариком. Наверно, потому что у Оксаны круглые полные щечки. Ну, что? Она же не собачка. Только собачек называют Шариками. Это обидно всё-таки.

– Я не Шарик, а Оксана. Шариками только собак называют, – выговаривала она дяде Вася, когда он ее в очередной раз называл шариком.

Тот смешно округлял глаза. И делал удивленное лицо.

– Дядя Ваня смеется, – говорила мама. – Он всегда смеется.

– Ладно! Ладно! Не сердись! Больше не буду! Зуб даю! – клялся дядя Ваня, чтобы снова в следующий раз назвать ее Шариком. Делал он это вполне безобидно.

Оксана перестала обижаться. Ведь Шарики бывают еще и воздушными. И собачки они тоже симпатичные, если маленькие и не кусаются. Она тоже не кусается. И не очень большая. Ну, и пусть Шарик!

Еще дядя Ваня каждый раз приносил им, детям, шоколадки и конфетки. Мама очень редко покупала им сладости, потому что у нее постоянно не было денег. Поэтому каждому приходу дяди Вани дети радовались. И бежали к нему.

Оксана повернулась к подругам и тихо проговорила:

– У меня тоже долго не получалось, а потом само собой получилось. Даже не знаю как.

Чпокать ее научил дядя Ваня. Он умел делать много смешных вещей.

– Я вчера вечером дочитала «Дубровского», – сказала Даша. Ей надоело чпокать. В общем-то глупейшее умение. И зачем оно?

– Кого? – переспросили подруги. – Не поняли!

– По литературе сейчас же «Дубровского» проходим? Так же?

– Ну, проходим, – согласились они.

Хотя их совершенно не интересовало, что они проходят по литературе. Потому что по программе они ничего не читали.

– У нас никто не читает. Да еще и по литературе! – сказала Полина. – Так носят учебники на урок. Учитель спросит, мы найдем чего-нибудь прочитаем. А так не читаем. Больно надо!

– У нас тоже не читают, – сказала Даша. – Меня мама заставила. Сначала было неинтересно, а потом стало интересно. Когда Владимир Дубровский приезжает в Кистеневку и устраивает пожар. А потом, когда он убивает медведя, стало так интересно, я и дочитала до конца. Уже поздно-препоздно было, а я не могла оторваться, пока не дочитала.

– Что там про пожар-то? Сильный хоть был? – недовер-

чиво спросила Полина..

Недоверчиво, потому что она была уверена, что никто сейчас книг не читает. И поэтому восторг Даши она восприняла с некоторым недоверием. Если никто не читает книг, зачем вообще нужны эти библиотеки, книжные магазины, писатели, которые пишут книги? Ведь никто же не будет делать, например, мороженое, которое никто не будет есть? Делают мороженое очень сладким, каждое со своим вкусом и хочется все их попробовать. Зачем же писать книги, которые никто не будет читать? Еще и деньги платят людям, которые делают эти книжки. Лучше бы на эти деньги построили аквапарк в их городке. Она такой видела по телевизору.

Даша захлеб стала пересказывать роман. Девочки замедлили шаг и продвигались теперь со скоростью, близкой к черепашьей. Они то и дело переспрашивали, уточняли детали. Так что пока они дойдут до дома Оксаны, она успела бы им пересказать даже «Анну Каренину», если бы, конечно, прочитала ее. Но и «Дубровского» им хватило с лихвой. Когда Даша дошла до того места, когда разбойники останавливают карету, в которой едет князь Верейский с Машей, и Дубровский говорит Маша, что она теперь свободна, а Верейский стреляет в Дубровского и ранит его, девчонки вовсе остановились и затаили дыхание. Теперь они боялись даже слово упустить.

Даша закончила свой рассказ. И протяжно вздохнула.

– А куда же подевался Дубровский? – спросила Полина. –

Или он умер от ранения? Ему же нельзя было в больницу. Его бы арестовали.

– Ну, там неизвестно. Он простился со своими мужиками-разбойниками и ушел от них. Он же не хотел быть разбойником

– Куда? Куда он мог уйти?

– Откуда я знаю. Роман на этом заканчивается. Пушкин его не успел дописать, потому что его убили на дуэли. И роман при его жизни не опубликовали.

– Как? Пушкина убили? Вот же сволочи!

– И никто не написал продолжения? – спросила Оксана. – Ведь столько лет прошло!

– Ууу! – завыли Даша и Полина. – Оксанка! Ну, ты что совсем? Кто бы взялся писать вместо Пушкина? Это же Пушкин!

– Ну, а сам Пушкин? Ну, взял бы и дописал.

– Оксанка! Пушкина давным-давно уже нет. Он же не может мертвый написать продолжение своего романа. Понимаешь?

Оксана вздохнула и посмотрела тоскливо на подруг:

– Я бы прочитала продолжение. Честное слово!

– Ты сначала прочитай, что написано, – строго сказала Даша. – Это обязательно. По программе требуется. Или ты этого не знаешь?

– Наверно, прочитаю, – как-то неуверенно произнесла Оксана. – Вот только если время найду свободное. Почему бы

не прочитать?

Оксана была твердо уверена, что свободного времени на чтение у нее уж точно никогда не найдется. Но не могла же она об этом сказать Даше. Что бы о ней подумала подруга? Что она дура какая-то?

Солнце уже дошло до середины зенита и начало потихоньку катиться в сторону запада. Возле дома с зеленым сайдинговым забором стояла иномарка. Рядом корова, которая размеренно жевала жвачку и тоскливо смотрела в одну ей понятную даль. Картинка получилась великолепная! Век нынешний и век минувший. Девчонки остановились и рассмеялись. Почему-то это зрелище поразило их.

– Корова сторожит машину, – сказала Оксана. – Чтобы ее не угнали.

– Нет! Это гаишник! Он ждет, когда хозяин машины выйдет из дома, чтобы оштрафовать его за парковку в неподобающем месте. Видишь, какой у него взгляд?

Это уже Полина. Настала очередь Даши. Она на некоторое время задумалась. Что бы такое выдать?

– Это, девочки, бензоколонка. Точнее молококолонка, потому что иномарка ездит на парном молоке. Экологически чистом топливе.

И снова смех. Корова не обращала на них никакого внимания.

– Да пойдемте уж, девочки, – сказала Оксана. – Хватит вам стоять!

Действительно, надо идти. Если они будут останавливаться перед каждым домом, то и до глубокой ночи не разойдутся по домам. А уже пора!

– А знаете, девочки! Нам на русском языке Ирина Николаевна дала задание написать стихотворение о каком-нибудь городе, – сказала Даша. – У нас был урок по риторике.

– О каком? – спросила Полина. – Городов же много!

– Ну, можно о своем. А можно о другом, где ты бывала. В гости, например, ездила.

– А зачем это?

– Будут издавать книги стихов о городах Сибири. Стихи должны быть школьников. А не взрослых.

– И что дальше?

– Ну, я написала. Там должна быть рифма и всё такое. Пришлось мне попотеть.

– А! ну, молодец!

Они прошли еще несколько шагов молча.

– А хотите я вам прочитаю свое стихотворение? – спросила Даша.

Ей очень хотелось прочитать.

– А ты его что помнишь наизусть? – спросила Оксана.

Оксана подозрительно покосилась на подругу. Стихи давались ей с трудом.

– Ну, конечно же! Это же я сама написала! Как же я могла его не запомнить! Ну, слушайте! Мы прошлым летом были в Междуреченске у тети Наташи. Мне очень понравился этот

город и я написала о нем. Ну, вот! Слушайте!

Даша остановилась. Не могла же она на ходу читать стихотворение.

– Шахты. Разрезы. Здесь очень много угля.

Шахтеры трудятся, не оставляя ни дня, ни ночи.

Трудный день у шахтера сегодня, как и вчера.

Шахты – не шутки вам, ребятня! Это трудно очень!

Утро. Пора шахтеру на шахту.

Шахтер собирается, не забывает, конечно, и шапку.

Выходит из своего дома шахтер второпях.

Семью свою таит в теплых воспоминаньях.

Берет шахтер в руки огромный молот.

Стучит по стенам черным вполюоборот.

Уголь камнями валится в ноги его.

Уголь хороший. Лучше, чем прежде.

Смена закончена. Шахтер, помылся, идет домой.

Бежит он, торопится быстрее к семье своей.

Завтра у шахтера наконец-то будет выходной.

У шахтера дух всегда самый боевой.

Дома ждет с нетерпением шахтера родная семья,

Мама, жена дочка и сыновья.

Накормят его, напоят, спать уложат.

Любит очень шахтер дома ночевать.

– Ты это сама сочинила? – воскликнула Оксана. Глаза ее округлились. Ей не верилось.

– Да! – кивнула Даша., довольная. – Сама!

– Ничего себе! Прикольно! Вау!– восхитились подруги.

Вот и дом Полины. Старый большой дом, оббитый кровельным железом и покрашенный в зеленый цвет. Высокий деревянный забор почернел от старости и непогоды. Возле дома была высокая деревянная пристройка в два этажа. На первом этаже была летняя кухня, баня, дровенник, углярка, кладовая, а на втором – висели банные веники, стояли коробки и ящики с разным хламом. Полина открыла калитку, но заходить во двор не стала. Остановилась и поглядела на подруг.

– Ну, ладно, девочки! Пока! До завтра! Завтра увидимся снова.

– До завтра, Полина! Пока! Не скучай!

– Погодите, девочки! Пойдите! – крикнула им вдогонку Полина. – Да погодите же!

Даша с Оксаной вернулись. Полина стояла возле калитки.

– Никого нет дома. Замок. А я не хочу сидеть дома одна. Это так скучно. Не люблю быть одной.

Даша с Оксаной подошли к калитке и заглянули. На дверях веранды висел замок. На крыльце не хватало одной доски.

– Давайте посидим, девочки? – спросила Полина, заглядывая им в глаза.

– Ну, не знаю даже, – протянула Оксана. – Мне некогда особо рвссизживаться! Меня дома ждут.

– Конечно, посидим! – согласилась Даша. – У меня сейчас

всё равно никого нет дома. Тоже одной сидеть.

Они сели на скамейку, стоявшую вплотную к забору. Скамейка была оббита клеенкой.

– Надо было семечек купить, – сказала Полина и вздохнула. – Щелкали бы сейчас сидели. Время быстрее прошло!

– А знаете, девочки, у меня на той неделе было свидание, – как-то равнодушно проговорила Оксана, как о чем-то обыденном, покачивая ножкой.

Даша с Полиной переглянулись и поглядели на Оксану. Лицо Оксаны было совершенно спокойным и каким-то равнодушным, как будто она сейчас сказала не о свидании, а о том, что на завтрак откушала манной каши. Разве так об этом говорят? Об этом кричат!

– Врешь ты всё! – хором воскликнули Даша и Полина. В такое они не могли поверить.

– Ни капельки! – совершенно спокойно ответила Оксана. – Больно надо мне врать! Вот еще! С чего бы я врала!

– Ты бы всю неделю триндела об этом! Все уши бы прожужжала! – возбужденно воскликнула Полина. – То мы тебя не знаем!

Она посмотрела на Оксану чуть ли не с ненавистью. Ври, но знай меру!

– Больно мне надо! – отмахнулась Оксана. – Зачем мне врать?

– Но почему ты ничего не рассказывала? Объясни, пожалуйста!

– Вы не спрашивали, вот я и не рассказывала. Чего бы я рассказывала, если вы не спрашивали? Может, вам это неинтересно.

– Как мы могли спросить, если мы не знали об этом? – со страстью проговорила Даша, махая перед собою ладонями. – Вот ты сама только подумай, ну, как мы могли спросить? Мы же не знали!

Оксана погрузилась в раздумье и через некоторое время пришла к выводу, что Даша оказалась права. Они, и в самом деле, никак не могли спросить ее о свидании, о котором ничего не знали. «Я как-то об этом не подумала», – мысленно укорила себя Оксана. Она вздохнула и отвернулась.

– Но вот сейчас же я рассказала, – стала оправдываться Оксана, повернувшись снова к ним.

– Да ничего ты не рассказала, – прошипела Полина. – Ты только сказала, что у тебя было свидание, а ничего не рассказала. Каждый может сказать «у меня было свидание», и ничего не рассказать.

Ох, и противная эта Оксанка! Порой она становится невыносимой, и ее хочется ударить. Что за человек?

Оксана схватилась за край скамейки, она болтала ногами и мечтательно смотрела вдаль. Полинин дом был угловый, и со скамейки открывалась вся улица до пересечения. Пешеходов не было.

– Так что? – угрожающе прошипел Полина. И строго посмотрела на Оксану.

– Ах да! – спохватилась Оксана. – Ну, сходила я на свидание. Вот!

И она еще сильнее принялась болтать ногами, опустив низко голову.

– Ты уже говорила про это! – сердито сказала Даша. – А что дальше?

– Ах, да! И точно говорила! – согласилась Оксана. И еще сильнее заболтала ногами.

Она принялась рассматривать проходившую мимо них женщину с коляской. На женщине были вязаная кофточка. Такая с узорами.

– Давай я ее ударю? – предложила Полина, глядя на Дашу.

– Она хочет, чтобы мы попсиховали, – сказала Даша. – Ей это нравится.

Женщина остановилась и наклонилась над коляской, что-то там поправила и пошла дальше. Девчонки посмотрели ей вслед.

– Врет она всё! Не было ничего!

Полина махнула рукой и отвернулась от Оксаны. Щеки у нее раздувались.

– И ничего я не вру. Чего бы я врала? Больно надо мне!

Голова ее поворачивалась вслед за уходившей женщиной. На лице Оксаны не выражалось никаких чувств. И она всё продолжала болтать ногами.

– Тогда бы уже всё рассказала, – пробурчала Полина. Щеки ее ходили ходуном.

– А чего рассказывать? Свидание как свидание! Подумаешь! Ничего особого!

Женщина с коляской уже удалилась. Оксана смотрела теперь вперед на недостроенный дом. Стояли только стены.

– Оксана! – Полина проговорила самым дружественным тоном, на который только была способна. – С кем у тебя было свидание? Говори! Ну!

Оксана наклонилась и подобрала с земли небольшой прутик, отломившийся от тополя, который рос возле забора.

– Ну, с кем... С Женькой. Вот!

– С каким еще таким Женькой? Мы его знаем?

– С Багровым Женькой. С кем же еще? Он вроде ничего так!

Оксана стала нахлестывать себя по туфле, как будто сбивала с нее пыль. Подруги посмотрели на ее ноги. Ну, Оксанка!

– А Женька Багров – это кто такой? Мы его знаем?

– Ну, он к бабе Дусе приезжал на выходные. А баба Дуся живет от нас недалеко. Я даже у нее в доме была. Один раз, правда.

– Он нездешний получается? Не местный?

– Ну, я же говорю, что он к бабе Дусе приезжал на выходные. Вместе с родителями на машине. Папа, мама и он.

– И что дальше? Дальше-то что?

– А что дальше? Ничего!

– Как вы с ним познакомились? Говори! Ты сама к нему

подошла? Или он к тебе подошел?

– Мы еще раньше познакомились. Он еще тем летом приезжал к бабе Дусе. А меня мама послала к ней за солью. Ну, вот я с ним и познакомилась. Он спросил, как меня зовут. Ну, когда я в дом зашла.

– Мама идет! – завизжала Полина и подскочила со скамейки. И запрыгала.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОЛИНИНА МАМА ИДЕТ В НОЧНУЮ СМЕНУ

Девчонки, как по команде, повернули головы направо. Полинина мама была высокой крупной женщиной и совершенной блондинкой. Многие считали, что она обесцвечивается. Ее можно было бы назвать симпатичной, если бы не большой нос с курносиной размером со среднюю картошку. Причем эта «картошка» начинала краснеть уже при прохладной погоде. Даже летом.

– Тетя Валя! Здравствуйте! – хором прокричали Даша с Оксаной, вытянувшись стрункой, как будто перед ними был генерал, а сами они рядовые или младшие офицеры. И только Полина обняла маму за талию.

– Здравствуйте, девочки! Что же вы в дом-то не заходите, сидите на улице? Полина? Чего гостей не приглашаешь? Сидите тут на улице.

Через плечо у тети Вали висела маленькая черная сумочка с желтым замочком, украшенным блестящими камнями. А какой у нее был маникюр!

Оксана махнула рукой и скривила губы:

– Погода такая хорошая! Чего в доме сидеть? Насидимся еще! Зима впереди!

Тетя Валя потянула воздух своим большим носом, как будто она обнюхивала хорошую погоду. Прикрыла глаза.

– Ну, а домашние задания у вас, конечно, отменили? Так надо понимать? Домой. Я смотрю, вы не торопитесь.

– Ну... Тёть Валь!

Девчонки замялись. Кто их только придумал эти домашние задания? Мало того, что в школе полдня сиди, так еще и...

– Я чего пришла-то? Я сегодня пойду еще на ночное дежурство. Тетя Галя попросила подменить ее. Ну, ты же знаешь, что мы с ней подруги. Я никак не могу ей отказать. Потом она за меня отработает. Мы же не первый раз вот так. Хорошо, Полиночка?

– Ну, вот! – Полина надула щеки и сердито поглядела на маму. – Вечно ты тетю Галю подменяешь. Она тебя использует.

– Полиночка! Ну, ты же уже взрослая девочка! Я вам скажу по секрету: ей сегодня молодой человек назначил на вечер свидание. Здорово же! Как тут не пойдешь навстречу?

Свидание? Да что же такое? Сегодня, кажется, все говорят о свиданиях.

– Ты уж, Полина, похозяйничай тут без меня! В холодильнике колбаса, варенье, «ролтон» можешь заварить. Вообще, найдешь, если есть захочешь. Ну, что договорились? Ты же умная девочка!

– Мам! – занюнила Полина. – Ну, ты же знаешь, что я бо-

уюсь ночевать одна. А вдруг, если мыши опять заскребуются? Бррр! Мам! Ну, что ты! Ну, ты же знаешь, как я боюсь! Этих мышей!

– Ой! мыши! Ну, не тигры же! Чего же их бояться? Укусят что ли они тебя? Свет потушишь и заснешь быстро. Ты уже не маленькая. А? Поляночка?

– Мам! Ну*

Полина готова была уже расплакаться. Под глазами набухли мешки, а сами глаза подернулись влагой. Все уже приготовились к дикому реву. И как-то съежились.

– Ага! Тетя Галя, значит, на свидание, а ты работай за нее всю ночь. А я должна одна ночевать. Так да?

– Полина! Потом же она за меня отработает, мою смену. А я буду дома. Мы же подруги и должны выручать друг друга. Что же тут непонятного? Вы же тоже друг друга выручаете! Ведь так же?

В глазах Полины мелькнул свет. Щечки сдулись.

– Мам! А можно девочки у нас переночуют? Мне тогда нисколько не будет страшно! Вместе никогда не страшно.

– Конечно же, можно! – кивнула мама. – Если их дома отпустят. Пусть отпросятся! Если отпустят, конечно, пусть переночуют. Я тоже, когда была девчонкой, ночевала у подруг. Правда, было здорово.

– Меня дядя Костя отпустит! – сказала Оксана твердо. – Он знает, что я не позволю никаких глупостей. И вас он тоже, тетя Валь, хорошо знает. Только сказать ему надо! Чтобы он

знал.

– А меня... меня, не знаю. Ну, тоже, наверно, мама отпустит, – проговорила Даша. – Ну, должна отпустить.

– Да я ей позвоню, – сказала тетя Валя. – У меня же есть ее номер. Вот сейчас и позвоню. Вот видишь, как всё хорошо уладилось, Полина. Будете втроем! Весело проведете вечер.

Девчонки готовы были запрыгать от радости. Но им хватило силы воли, чтобы казаться сдержанными. Они же взрослые.

– Только, девочки, обязательно отпроситесь дома! – сказала тетя Валя. – Чтобы дома знали.

– Обязательно отпросимся! Мы же немаленькие! – сказала Оксана, надувая щеки и отставив ногу. Ну, настоящий Юлий Цезарь.

– Мам! А можно тебя спросить? А?

– Конечно, можно! Что ты хотела спросить, дочка?

– Только ты поклянись, что не обидишься, когда я спрошу! Поклянись!

– Вон оно даже как! Ну, клянусь! Что же мне еще остается.

– Ладно! Я передумала. Это я так.

– Ну, нет! Ты уж спрашивай! Я же поклялась даже. А ложных клятв давать нельзя! Так в Библии написано. Зачем тогда требовала, чтобы я дала клятву:

– Не буду! Я передумала! Вот!

– А я тебе говорю: спрашивай! А то я обижусь, если ты не спросишь. Я же вижу, что ты очень хочешь спросить. По

глазам вижу.

– Ну, ладно! Мам! А почему тебе никто не назначает свидания? Вон тете Гале назначают.

Тетя Валя растегнула свою маленькую черную сумочку и достала зеркальце, на котором с другой стороны была расческа. Тетя Валя улыбнулась. Улыбка у нее была красивой. И в глазах у нее сверкали озорные огоньки, как у девчонки, которая собарается пошалить. Она посмотрела в зеркальце.

– Потому что я старая. Кому нужны старухи? Никому!

– Теть Валь! – хором простонали Даша и Оксана. – Как вам не стыдно? Вы такая молодая и красивая! Наговариваете на себя!

– Ага! Красивая! – кивнула тетя Валя. – Вон какая толстая! Фу!

Она повернулась на каблуках. На тете Вале была светлая кофточка и черные брюки. Туфельки тоже были черные. С такими маленькими пряжечками.

– Совсем вы не толстая. У вас такая конституция. Вот! – сказала Даша. Как хорошо, что она это запомнила! Это самое слово.

– Конституция? Конечно! – кивнула тетя Валя. – Ой! девочки! Спасибо вам за комплименты! Хоть от вас довелось их услышать. Больше-то их никто не скажет мне. Вот так-то! Такая хорошая погода, девчонки! Ох, как не хочется возвращаться в больницу. Там всё, даже стены, пропитаны лекарством и человеческой болью и страданием. Я вся пропита-

лась этим запахом больницы. Мне иногда кажется, что я сама стала больницей. Да-да! Я на всех смотрю как на больных, как на людей, у которых какая-то боль. Вокруг тебя днем и ночью больные, они стонут, страдают, им больно, кому-то надо ставить укол, за кем-то надо убирать, кого-то переворачивать, чтобы не образовались пролежни. И думаешь, как же несправедливо устроен мир, как будто мы рождаемся только для того, чтобы страдать, корчиться от боли, умирать. Мир – одно страдание. На душе так тоскливо, так нудно. И вот выйдешь из больницы, солнышко светит, небо такое голубое, деревья, цветы, люди. И понимаешь, как это замечательно жить. Жить – это очень хорошо.

Тетя Валя оглнулась вокруг. Она улыбалась.

– Птицы порхают и щебечут свои песни. И это такая радость слышать их. Они же поэт гимн жизни. Мимо меня идут люди, улыбаются, смеются, обнимают друг друга. Значит, есть любовь. Понимаете, девочки, в этой жизни есть любовь! А что может быть лучше? Вот сейчас я шла, а мимо свадебный кортеж проехал. Машина с колокольчиками, шарами, а в ней сидят счастливые люди, которые верят, что для них наступило счастье. Тогда я поняла, что жизнь всё-таки прекрасна. Ну, потому что это жизнь. Она удивительна. Вот надо просто жить и радоваться, что ты живешь, что возле тебя любимые тобой люди. И любить их.

– Мам! – простонала Полина. – Ты чего это? Насмотрелась в своей больнице сериалов. Я знаю, что вы по ночам там

смотрите сериалы. А все эти сериалы про любовь. И заговорила, как в сериале.

Тетя Валя так красиво засмеялась. Сначала девчонки смотрели на нее с недоумением, а потом тоже рассмеялись. Мимо проходила тетенька, остановилась и посмотрела на них. С укоризной.

– Девочки! У вас еще вся жизнь впереди! Дай Бог, чтобы она хорошо сложилась и чтобы вы были счастливы. Чтобы у вас была большая любовь.

Тетя Валя обняла Дашу и Оксану. Полина, видя такое, тоже приблизилась, чтобы мама обняла и ее тоже. И подлезла ей под руку.

– Хватит! – простонала Полина. – Вот как заведется, не остановишь. Вот какая у меня мамочка!

Даша с Оксаной осуждающе поглядели на подругу. То, что говорила тетя Валя, им понравилось. Даже очень.

– Всё! Всё! Молчу! Она у меня не любитель этой патетики! – проговорила тетя Валя. – Такая она суровая!

Она положила зеркальце в сумочку. И защелкнула ее.

Оксана удивленно спросила:

– Чего она не любитель? Не поняла.

– Ну, патетика – это когда говорят красивые слова, – сказала Полина. – Ля-ля-тополя!

Оксана нахмурилась. Нижняя губа у нее опустилась.

Потом она поглядела на тетю Валю. Переступила с ноги на ногу и спросила:

– Пат... Ой! как вы это сказали? Вот это слово?

Оксана прикусила нижнюю губу. Вот не запоминает она всякие странные слова.

– Па-те-ти-ка! – по слогам проговорила Полина. – Па-те-ти-ка!

– Красивое слово, – сказала Даша. – Вот послушайте! Ну, слушайте же!

Она запела нараспев:

– Пааааа! Паааа!

Очень низко. Басом.

Взяла ноту повыше.

– Теееее! Теееее!

Еще выше. И выше.

– Тииии! Тииии!

И рухнула вниз. Как камень на землю.

– Кааааа! А!

Оксана и Полина поглядели на нее как на инопланетянина. Переглянулись.

– Смотрите, какая мерзкая кошка! – воскликнула Оксана. И показала на дорогу.

Вдоль дороги шла худая рыжая кошка. Шерсть на ней висела клочками. У нее была непропорционально большая голова. Живот был грязный, хвост, облезший и тонкий, волочился по земле. Полина фыркнула, передернувшись:

– Бомжиха какая-то! Ой!

– Ой! девочки! Я побежала! Всё!

Полинина мама стремительно пошла по улице, помахивая сумочкой.

– Может, она бездомная и голодная,– сказала Даша. – Ее никто не пожалеет, не накормит. Кссс! Иди сюда!

Кошка побежала к ним. Полина и Оксана завизжали и залезли с ногами на скамейку. Даша мужественно продолжала стоять на месте.

– Кошечка! – ласково, насколько могла, проговорила Даша. – Маленькая!

Кошка подошла к ней, подняла свою неровную уродливую голову, долго смотрела, а потом мяукнула. Тихо так!

– Кошки всякие нужны, кошки всякие важны! – продекламировала Даша. – Хорошая кошечка!

Кошка потерлась об ее ноги. Полина и Оксана завизжали. И запрыгали на скамейке.

– Теперь у тебя ноги отпадут! Она же заразная!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ТОЛЬКО НАДО ОТПРОСИТЬСЯ

– Подождите, девочки! – сказала Полина. – Я только рюкзак оставлю дома. А вы тоже оставляйте! А завтра от меня пойдем в школу! Зачем вам домой еще переться за рюкзаками! Оставляйте у меня!

Оксана недвольно пробурчала:

– А если меня дома не отпустят, опять к тебе идти за рюкзаком? Больно надо ноги бить взад-вперед!

– Ты же сама говорила, что дядя Костя тебя обязательно отпустит, – проговорила Полина. – А сейчас говоришь, что если тебя вдруг не отпустят. Я тебя что-то не пойму никак. То одно, то другое.

– Отпустят! Чего бы не отпустила? Дядя Костя добрый.

– Тогда оставляй рюкзак у меня! Чего его таскать? А завтра от меня сразу пойдем в школу. От меня идти даже ближе.

– А если не отпустит возьмет? Откуда я знаю.

Полина и Оксана дружно вздохнули. Даша даже простонала. В чем-то убеждать Оксану было бесполезно. Это они уже знали по своему опыту дружбы с ней. Просто такая вредная! И совершенно неубедительная.

– А я точно не знаю, – сказала Даша. – А вдруг меня не отпустит мама. Поэтому я рюкзак не буду у тебя оставлять.

Не такой-то он и тяжелый. И я привыкла к нему. Он вроде у меня горба. А если мама отпустит, всё равно надо будет взять тетради и учебники на завтра на те уроки, на которые я сегодня не брала. Так что похожу с рюкзаком! Он мне не в тягость.

Полина согласилась с ней

– Правильно! Ну, а я зайду домой, оставлю рюкзак и пойду с вами. Не сидеть же мне одной в доме! Что мне делать одной?

Полина открыла калитку, прошла во двор, собралась уже открывать замок ключом, поторый она достала из-под половичка, лежавшего на крыльце, но тут же передумала и повернулась к подругам. Они стояли у калитки.

– Девочки! Давайте зайдем! Попьем хоть чаю! Разве вы не проголодались?

Оксана и Даша вошли во двор. Полина открыла замок, и они зашли в дом. После веранды была просторная кухня. В углу большая печь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЧТОБЫ СЧАСТЬЕ НЕ УШЛО

– Ну, и к кому пойдём? – спросила Полина, когда они вышли на улицу. – К тебе Даша ближе и ты по пути, если идти к Оксане. Тогда получается, что сначала к тебе идем, Даша. А потом уже к Оксане.

– А как пойдём? – спросила Оксана. – Если по переходке, то сначала ко мне, потом к Даше, а потом уже к тебе Полина. Это вот такой кружище сделаем по городу. Огромный кружище получится.

Оксана провела рукой круг над головой.

– А если отсюда мы пройдем на Ленина, потом через переезд перейдем, то тогда сначала к Даше. А потом идем ко мне, а от меня уже к тебе Полина. И опять получается кружище по городу.

Даша выдохнула.

– Ну, ты, Оксана, хоть кого замучаешь! У тебя какой-то талант мучителя.

Оксана удивленно поглядела на подругу.

– Никого я не замучиваю. Я вам объясняю, как идти, а вы на меня что попало наговариваете. Вы любите на меня что попало наговаривать.

– Ничего мы на тебя не наговариваем! – фыркнула Поли-

на. Она уже успела переодеться и сейчас была в тесно облегающих черных брючках и тряпочных туфельках.

– Слово уже нельзя сказать! Сразу обижаться! Прямо мы такие все обидчивые!

Полина выговаривала Оксане с той интонацией, как ее мама, когда она была чем-то недовольна.

– Я не обижаюсь! Больно надо! Подумаешь!

Оксана надула щеки и отвернулась.

– Так! – строго проговорила Даша. – У меня мама приходит позднее, чем дядя Костя. Она может даже задержаться на работе. Поэтому идем через Оксану. А потом уже ко мне. Хорошо?

– Но дядя Костя, может быть, еще не пришел, – растерянно проговорила Оксана. – Я же не знаю. Откуда мне это знать?

– А если пришел? – зло прошипела Полина. – Ты же сама говорила, что он уже должен прийти. Постоянно талдычила об этом. А сейчас «не знаю».

– Он может и не прийти, когда мы придем, – проговорила Оксана, не замечая того, что подруга злится. – Мы придем, а его еще нет.

– А может и прийти, когда мы уже придем! – еще злее прошипела Полина. – Мы придем, а он дома. Разве такого не может быть?

– Хватит уже девочки! Сколько можно?

Даша топнула ногой. И поглядела на них сердито.

– Даже противно слушать! Пришел – не пришел. Пойдем-

те уже! Там и увидим: пришел или не пришел. А то будем стоять и гадать.

– И как мы пойдем? – спросила Оксана. Выглядела она совершенно равнодушной.

– Через переходку твою любимую пойдем. Ты же любишь ходить по переходке.

– Ну, пойдемте! – согласилась Оксана. – И ни какая она не моя любимая! Вот еще!

Улица, по которой они шли, называлась улицей Чапаева. Но кто такой Чапаев девчонки не знали, так же как не знали, кто такой Ленин и Чернышевский. Правда, Есенина они знали. Здесь был частный сектор. В основном одноэтажные дома. Они прошли мимо продуктового магазина и, как голодные коты, облизнулись и проглотили слюну. Можно бы купить много чего вкусного, но ни у кого не было ни копейки. Всё, что у них было, они потратили еще в школе. Дошли до перекрестка. Перебежали дорогу, когда зажегся зеленый свет светофора. Когда они были на другой стороне, зеленый свет еще горел. Прошли мимо нового высокого магазина, где продавалось всё для дома: обои, сантехника, краска, плитка... Да много чего! Ремонтируйся – не хочу, как говорила Дашина мама. Подошли к переходному мосту, поднялись. Слева на металлической решетке висело много закрытых замков, разных размеров и цветов. Девчонки остановились. Уставились на замки.

– Знаете, зачем здесь замки висят? – спросила Полина. –

Когда женятся, приезжают на вокзал и идут на переходку, здесь жених и невеста вешают замок, закрывают его на ключ и жених зашвыривает ключ, как можно дальше. Со всей силы!

– Зачем? – удивились подруги. – Что за обычай?

– А это значит, что они всю жизнь будут жить вместе, и их никто и никогда не разлучит. Вот зачем! Мне это нравится.

– При чем тут замок? – недоумевала Оксана. – Им же двери запирают.

– Ну, что же тут непонятно? – воскликнула Даша. – Они как бы на замок закрывают двери своего дома, чтобы счастье не смогло уйти от них. Захочет уйти, торкнется в дверь, а дверь закрыта. И счастье останется в доме.

– Именно так! – кивнула Полина. – И вы будете счастливы.

Оксана протянула руку и погладила нижний замок. Потом привстала на цыпочки и дотянулась до другого замка. И тоже погладила.

– Когда я буду жениться, я повешаю сюда такой огромнейший замок! – воскликнула Оксана, разводя руками, чтобы показать, какой тут огромный замок будет висеть. Где же она найдет такой замок?

– Во-первых, девушки не женятся, а выходят замуж, – строго сказала Полина. – Это мужчины женятся, то есть берут девушку к себе в жены. А девушки берут себе мужа, то есть выходят замуж. Не маленькая, должна знать об этом.

– Что во-вторых-то? – спросила Даша. Оксана нахмури-

лась.

– А во-вторых, я не поняла, почему ты такой огромный замок сюда собралась повешать. Здесь, видишь, вон совсем маленькие есть замочки! И маленький замочек тоже неплохо.

– Чтобы двери крепче были закрыты! Неужели непонятно? – спросила Оксана. – Чем больше, тем лучше.

И в который раз она убедилась, что подруги значительно глупее ее, раз не понимают таких простых вещей. Ну, что тут непонятного?

– Пойдемте же, девочки! – простонала Даша. – Вы через каждый шаг собрались останавливаться или мы всё же будем идти? Так мы никогда не дойдем!

Оксана с Полиной пожали плечами. Как будто ты не стояла с нами!

– Уже идем! – обиженно воскликнула Оксана. – Раскомандовалась! Командирша нашлась какая!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РАЗГОВОР С МАНЕКЕНОМ

Они прошли через переходку, бегом спустились вниз. Слева внизу стояла большая железная урна. А справа возвышался высокий, но уже покосившийся деревянный забор, за которым возвышались громады разгромленного элеватора, когда-то крупнейшего в регионе. А потом ставшего ненужным.

Слева тянулись низкорослые корявые клены, в просвете полуразрушенная саманная избушка. Неужели в такой избушке кто-то когда-то жил? Тут и одному-то сильно не развундаться. И место такое неудобное.

А дальше два строившихся кирпичных коттеджа, за ними длинное трехэтажное здание полиции, аптека, сбербанк и на самом углу магазин, в который почему-то очень редко заживал народ. Сразу за магазином влево начиналась самая длинная в городке улица. Она пересекала полгородка.

– Первым делом после того, как я куплю четырехкомнатную благоустроенную квартиру с лоджией, я покупаю машину. Разумеется, иномарку, – сказала Оксана, широко размахивая руками

– С машиной хорошо, – согласилась Даша. – Когда дядя Ваня был живой и если не на работе, он возил меня на «жи-

гулях» в школу. Пять минут и ты уже в школе. А иногда из школы вез домой. Так вот идешь-идешь-идешь и так устанешь идти. Сил никаких нет.

– А зимой еще и холодно. Бррр! – поежилась Полина и с завистью поглядела на пролевшую мимо них иномарку. Стекла были тонированными.

– Если с ветром, то можно обморозиться даже, – вздохнула Оксана. – Я один раз себе щеку обморозила. В машине тепло, играет музыка и быстро, куда надо доберешься. Без машины никак нельзя, особенно, если ты взрослый. То тебе на работу, то по делам. Я каждый день буду ездить по магазинам, во всякие салоны там.

– Ага! И где ты деньги возьмешь? – съехиднила Полина. – Найдешь себе богатого мужа?

Даша отвернулась, чтобы не видеть злого лица Оксаны. Оксана еще и громко засопела.

– Что, Даша, идем к тебе отпрашивать тебя у мамы? – спросила Полина. – Ты же первая по пути.

– А потом ко мне. Дядя Костя уже вернется к этому времени, – сказала Оксана. – Он меня отпустит. Дядя Костя добрый.

Куда идем мы с Пятачком,

Большой, большой секрет.

И не расскажем мы о нем.

О! нет! И нет! И нет!

Неожиданно запела Оксана. Вот что удивительно! Вооб-

ще, голосок у Оксаны был грубоватым для ее возраста, особенно когда она начинала ворчать, тогда как у деда старого. Пела же она почему-то таким тонким, почти визгливым голоском, как будто комар жужжал. А пухлые губки она далеко вытянула вперед, вроде как собиралась подуть на что-то, сдуть соринку, например.

– Я поражена! – воскликнула Даша, на всякий случай отступив несколько шагов от Оксаны. – Я поражена!

– Я никого не собиралась поражать! – заявила Оксана. – Никого я не собиралась! Я же не снайпер, чтобы кого-то поражать. Вот!

– А у нашей Оксаны, оказывается, есть чувство юмора, – сказала Даша. – И очень тонкое.

– Только она его скрывала до поры до времени. Непонятно почему.

Это уже добавила Полина.

– А еще порождать – это рожать и рожать детишек, – продолжала Оксана. Кажется, ее посетило вдохновение. – Я еще кино видела, там такой старый дядька страшный, вот с таким усищами берет ружье и говорит сыну: «Я тебя породил, я тебя и убью!» И застрелил его насмерть из ружья.

– Сына застрелил из ружья?

– Да! Взял ружье, бабах и застрелил сына. Он сразу мертвый упал.

Оксана с победным видом оглядела притихших подруг. Ну, что, съели?

– Оксана! Вот где ты только такое кино смотришь? – спросила Полина, удивленно подняв брови. – Чтобы отец убил собственного сына, да я об этом даже никогда не слышала. А вообще, лучше бы про любовь смотрела. А то смотришь, что попало.

– А там и про любовь есть, к твоему сведению. Даже очень много про любовь есть, если хочешь знать. Вот этот самый сын, которого отец убил, влюбился. И там даже показывали, как они целуются. Долго так целуются, и он ей шепчет, как он ее любит. Как он без ума от нее.

– Подумаешь, целуются! – фыркнула Полина. – Велика важность! Вон сейчас даже малолетки целуются. Я видела, как первоклашки целовались. За углом школы целовались. А сами малюсенькие.

– А тебе бы только подсматривать! – выкрикнула Оксана. – Любишь за другими подсматривать. Потому что тебя саму еще никто не целовал ни разу. А за другими любишь подсматривать. А вот похабное нам смотреть нельзя. Дядя Костя сразу переключает телевизор, если начинают показывать похабное. Ну, это когда он и она в постели. А тебе бы, Полина, только похабное смотреть. Ты же сама рассказывала.

Последние слова Оксана почти выкрикнула. Проходившая мимо женщина остановилась и посмотрела пристально на них. Девчонки не обращали на нее никакого внимания.

– А дядя Костя говорит, что нам еще рано похабное смот-

реть. Мы еще маленькие.

– И правильно ваш дядя Костя говорит,– проговорила женщина. – Взрослых надо слушать.

У нее тоже был в руках черный раздутый пакет. Такое впечатление, что в городке остались только черные пакеты.

– А меня мама в детскую сразу отсылает,– сказала Даша. – И меня, и Ваню.

– Правильно твоя мама делает,– опять вмешалась женщина. – Детям нельзя такое смотреть. Надо смотреть детский канал.

– Мне мама говорит: «Иди к себе! Нечего тебе это смотреть!» Это для взрослых.

– А мне мама говорит: «Закрой глаза и уши!» – сказала Полина. – Я закрываю глаза и уши. Вроде как ничего не вижу и не слышу.

Полина показала, как она это делает. Большими пальцами прикрыла уши, а остальными глаза. Получилось что-то вроде маски.

– Вот так закрывала! Я щелку оставляю между пальцами и всё вижу. И всё слышу, потому что не зажимаю уши. А мама думает, что я ничего не вижу и не слышу. А я всё вижу и слышу. Вот такая я хитренькая!

Они пошли дальше. Слева был большой двухэтажный магазин. Раньше, говорили, там был ЦУМ, самый большой магазин в городе, в котором всегда было народу не пройти. Деревенские, приезжая на автовокзал, шли на базар и

сюда. А когда, как грибы после дождя, в городе стали появляться магазины и магазинчики, торговая активность переместилась по ту сторону железки, где был базар. Магазины же на этой стороне стали посещать редко и мало. Да на той стороне и народу жило больше.

Несколько лет здесь вообще ничего не было. Здание стояло пустым. А потом всё-таки открыли магазин. На первом этаже стали торговать мебелью и всем тем, чем можно было украсить квартиру. А на втором этаже одеждой и различной бижутерией и косметикой. Покупателей здесь было немного. Почему-то и цены здесь были дороже на те же самые товары, что продавались в других магазинах.

– Давайте зайдем! – сказала Полина, показывая на магазин. – Ну, девочки!

Перед магазином стояла грузовая машина, в которую грузчики загружали мебель, выполняя заказ. Всё-таки покупатели были.

Подруги удивились. Застыли на месте.

– Зачем туда?

– Я здесь была всего один раз, давным-давно. И даже уже не помню, что там. Просто посмотреть. Интересно же!

Даша и Оксана согласились. Они свернули к магазину. Пройдя через двойные тяжелые стеклянные двери, они оказались в большом зале, заставленном различной мебелью. Вдоль передней стены тянулся длинный прилавок, под стеклом которого лежала разная мелочь. Продавщиц не было

видно. И сначала им показалось, что они тут одни. Но пройдя несколько шагов, справа они увидели робота. Это был манекен, изображавший молодого мужчину. На нем был строгий темно-серый костюм с острыми стрелками на брюках, белая рубашка и сиреневый узкий галстук. На левой руке их под рукава рубашки выглядывали ручные часы на черном пластиковом ремешке.

В нескольких шагах от них спиной к ним стояла уборщица, пожилая женщина, седые пряди которой выбивались из-под тонкого газового платочка. На ней был синий халат и черные резиновые сапожки. Возле ее ног стояло ведро с водой. В правой руке, как винтовку, она строго вертикально держала швабру. Так солдат держит ружье на карауле.

– Ну, и чего стоишь, статуя? Зенки свои бесстыжие выпучил! Чего молчишь?

Это она говорила роботу-манекену, стоявшему перед ней. Видно, продавщицы не сильно баловали ее своими разговорами

– У нас самый лучший магазин в городе, – ровным безжизненным голосом проговорил манекен, едва пошевелив тонкими красными губами. При этом всё его лицо оставалось совершенно неподвижным. – Добро пожаловать в наш магазин!

– В хорошем магазине народу не протолкнуться. А у нас зайдут два человека за час. И то те, кто тут ни разу не был. Думают, тут нормальный магазин, а тут чёрт те что и с боку

бантик. Тьфу!

– У нас самый богатый выбор самой разнообразной мебели для дома и для офиса, – продолжал убеждать неведомого робот-манекен. Если бы он только знал, что сейчас является его оппонентом! Наверно, молчал бы в тряпочку.

– Ага! А цены какие! Да мне полгода нужно мантулить, чтобы тут самый плюгавенький диванчик купить. Не для народа ваш магазин, а богатеи сюда и так не идут. Им из города привезут мебель.

– У нас быстро буквально за пятнадцать минут можно оформить в кредит любую покупку. От вас потребуется только паспорт или любой документ, удостоверяющий вашу личность. Вы будете приятно удивлены!

– Ага! За пятьдесят тысяч возьмешь, а потом сто отдай. Грабители самые настоящие! Разбойники с большой дороги! Да уж дураков ноне всё меньше становится! Народ дурите!

– Наши дизайнеры-консультанты помогут подобрать вам мебель именно для вашего дома или офиса. Доставка в пределах города бесплатная. Наши рабочие-профессионалы за несколько минут соберут и расставят мебель. Поднимут ее на любой этаж.

– Набрали пацанов сопливых! Специалистов нашли! Они вон целый день в телефонах своих играют в разные игрушки да дурацкие песенки свои слушают. А там срамота одна! Тьфу ты! Пропасти на них нету! Гнать надо в три шеи!

– На втором этаже нашего супермаркета вы можете вы-

брать для себя и для своих близких самую модную одежду, а также различные аксессуары и косметику лучших фирм мира! Ваша подруга останется довольна!

– Что же не выбирают-то? А идут на базар! Там можно купить в два-три раза дешевле то же самое. С одного места берут, только у одних дешевле, а у вас дороже некуда! Ой!

– Товары нам поставляют из разных городов России и из зарубежных стран. У нас надежные проверенные партнеры, которые нас никогда не подведут и гарантируют самое высокое качество. Всё для покупателя – наш девиз.

– Дураков нашли! Раз в неделю гоняют машину на базу. Вот тебе и зарубежные страны. А этикеток вон полные коробки в складе стоят. Зарубежные фирмы у них! Да они с вами рядом в сортире не сядут! Брехуны!

– Наши опытные модельеры помогут подобрать костюм и любую одежду по вашей фигуре, дадут вам профессиональные советы, которые позволят вам улучшить свой имидж! Если вы не найдете того, что ищите, можете оформить заказ, и ваш заказ будет выполнен в течение десяти дней. Причем с вас не потребуют никакой дополнительной оплаты. Мы работаем ради вас!

– Поставили болвана-болтуна! Лучше бы сделали такого, чтобы он пол мыл да за всеми гайно убирал. А от этого никакого толка! Только врет напрополую! И кто тебя только так врать научил? Лучше бы пол мыл, а мне бы зарплату платили! Да уж где там! Я же не человек! Ходите тут целыми дня-

ми, а они знают игры играют да всякую гадость слушают. Да и ума у вас не хватает, чтобы придумать такого, чтобы он полмыл. Только болтуна и вруна можете придумать! Потому что сами такие. Ничего, кроме, как болтать и не умеете! Да что с вами говорить!

– Если товар вам не понравится, вы можете обменять его на аналогичный или вернуть деньги назад. Только нужно сохранить чек и упаковку. По первому же вашему требованию мы обменяем товар. Или вернем деньги.

– Чо? А зачем же продавать такой товар, чтобы потом его возвращать назад? Ой-ё-ё-ёй! Ну, балбесы! Ну, дурачье!

Женщина стукнула шваброй о пол. И тут же оглянулась: нет ли кого поблизости, кто бы мог услышать ее разговор. Как зачарованные, девчонки наблюдали за этой беседой живого человека с роботом и боялись даже пошевелиться, чтобы не произвести шум и не выдать своего присутствия. Техничка их заметит и прекратит свой разговор, который, как им казалось, она могла вести до бесконечности. Не все же шваброй махать! И пообщаться надо!

– Уважаемые дамы и господа! Добро пожаловать в наш магазин, лучший магазин города! Вы получите максимум удовольствия.

– Ой! Пряма-таки лучший! Сколько же денег на тебя, балбеса, потратили? Уж точно не мало! Толку же никакого! Вот кого ты сейчас стоишь уговариваешь? Меня? Так меня ты ни в жизни не уговоришь! Я этот магазин, как облупленный,

знаю. Не магазин, а одно название. Мне на твои уговоры плюнуть вот так и растереть. Ну, чего выпучил свои бесстыжие глазенки? Сам-то дурак дураком! Несешь что попало, всякую ересь! Директрисы сегодня нет. Поехала мадам! Так все и разбежались по углам. Никого даже за прилавком нет. Заходи и бери, что хочешь. Хорошо, что никто не заходит. Кто сидит в игры игры, кто названивает, кто сплетни перебирает. А выручки-то никакой. Что сегодня продали? А ничего не продали! А всем зарплата идет, за свет платят. И за что только дармоедам деньги платят? Я всех бы – будь моя воля – повыгоняла отсюда поганной метлой! И магазин бы этот поганный закрыла. Толку от него все равно никакого! Один срам только!

– Мы всегда рады видеть вас в нашем магазине! Добро пожаловать! Дамы и господа!

– Ну, кого ты видишь в нашем магазине, кроме меня с ведром и этих шмыгалок бестолковых, у которых на уме только одни парни. Ох-хо-хо-хо! Понаставят всяких дураков! Молотят языком, что ни попало!

Девчонки тихонько вышли из магазина и, спустившись с крыльца, дружно расмеялись. Напротив магазина был пустырь, на котором ставили новогоднюю елку, делали ледяные горы, снежные статуи и всё это окружали невысоким снежным забором. Подруги на зимних каникулах, если не было мороза или ветра, приходили сюда. Но сейчас здесь было пусто. Дальше за магазином был длинный одноэтажный

склад. Половина его была закрыта металлической решеткой и за ней были видны штабели бумажных мешков с цементом и алебастром, кирпич белый и красный, шифер асбоцементный и профлист, металлические трубы, арматура, радиаторы. . . Дальше за складом с той и другой стороны от дороги было так называемое болото. Слева оно доходило почти до железной дороги, а справа тянулось чуть ли не до самого горизонта. Вода в нем была черной, по берегам рос камыш. Зимой оно замерзало и представлялось как большое снежное поле, непонятно как очутившееся посередине городка. С правой стороны болота зимой водители накатывали дорогу, которая значительно сокращала им путь, а так приходилось давать значительный крюк. Несколько раз здесь видела лебедей. Говорят, что два больших красивых лебедя плавно скользили по черной глади. И мол, фотографии их можно найти в Интернете. Может быть, и так.

– А знаете, девочки, – сказала Даша. – У нас дома есть настольный перекидной календарь. Мама купила.

– Перекидной? – удивилась Полина. – Как это? Он что перекидывается? Подпрыгивает?

– Там такая пластиковая подставка под углом и две таких дуги, по которым перекидываешь слева-направо или наоборот справа-налево календарные листики. И смотришь, какой день.

Даша показала руками, как это делается, то есть перекидываются листочки.

– И на каждом листочке один день календаря. Если это воскресенье или праздник, когда отдыхают, то цифра красная, а в таких днях цифра черная. На рабочих днях.

– Правильно! Праздники и должны быть красными, – согласилась Полина. – А рабочие черными.

– И там еще на каждом листочке написано, когда в этот день всходит и заходит солнце, про луну, кто имениник, долгота дня и, конечно, все праздники, которые только есть. Самые-самые разные.

– Круто! – восхитилась Полина. – Ты мне покажешь его? А?

– Конечно! Я и не знала, что такие праздники вообще бывают. Некоторые даже непонятно о чем. Слова такие непонятные.

– Как я люблю праздники! – воскликнула Оксана. – Праздник – это здорово!

– Праздники все любят, – согласилась Полина. – Особенно такие, когда тебе что-нибудь дарят. День рождения, например.

– Каких только праздников нет! – говорила Даша. – Даже праздник кошек есть! И всяких там животных.

– А собак? – спросила Оксана. – Они же первые друзья человека.

– Нет! Собак мне не попадалось. Но тоже должен быть.

– Вот только кошки не знают, что у них есть праздник, – заметила Полина. – Интересно, как бы они вели себя в этот

день, если бы знали, что это их праздник. Наверно, муркали бы как-то по-особому. И ждали бы подарка.

– У них и так каждый день праздник,– заметила Оксана. – Как мышку поймают, так у них и праздник. Это только у ленивых котов не бывают праздников. Ну, так им и надо! Нечего лениться!

– Или когда со стола мясо или рыбу стащат,– добавила Полина.– Тоже праздник! Если их, конечно, за это не отлучат. Мы нашего Мурзика лупили, а он всё равно по столам лазит. Невоспитанный кот.

Подруги дружно засмеялись.

– Нет, девочки! Знаете, что я хотела сказать? – прокричала Даша. – Да слушайте, что я хотела сказать! Одного праздника в календаре всё-таки не хватает. А это плохо!

Подруги остановились. И поглядели на Дашу.

– Как это не хватает? Какого? Ты же сама сказала, что там праздники каждый день.

– Праздника девчонок-подружек, то есть нашего с вами. Вот такой мне не попался.

– И правда,– согласилась Полина. – Это неправильно!

– Какая несправедливость! – возмутилась Оксана. – Я очень возмущена.

– А давайте сами устроим этот праздник? – предложила Даша. – Представляете, как будет здорово!

– Давайте! – согласились подруги. – А когда? В каком месяце?

– Да прямо сейчас! Чего откладывать!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПРО ЗАПИСКИ И КОНЯ

Они прошли мимо болота. Слева от них был маленький хозяйственный магазинчик, возле которого стояли большие баки для бани и тачки. Хозяйственный магазин подруг совершенно не интересовал. И они в его сторону даже не повернули голов. Продавщица, стоявшая в дверной проеме, проводила взглядом девчонок.

– Это хорошо, когда праздник, – вздохнув, проговорила Оксана. – Только знаете что, девочки, знаете, что нам сегодня учительница на биологии сказала. Ой, вы даже не поверите! Знаете, что она сказала?

– Чего она вам сказала? Ну!

– Ну, вот, не знаете! И я не знала. А теперь знаю. И когда я вам скажу, вы тоже будете знать. А если не скажу, то не будете знать. Вот так!

Даша и Полина застонали, как от зубной боли.

– Что она сказала? Не томи ты душу! Ну, что ты за человек, Оксана? Почему ты такая? Разве можно быть такой?

Оксана остановилась. Подруги тоже остановились. Устали на Оксану.

– Слушайте, что она сказала. Она сказала, что обычный человек только на один – от силы на три процента использует

возможности своего мозга. То есть мы почти не пользуемся своей головой. Очень мало думаем.

Подруги даже не удивились. Только пожали плечами.

– Ну, и что с того? Подумаешь!

– Как что с того? Вот гений – это человек, который на пять или даже десять процентов использует свой мозг. Только всего на каких-то десять процентов! Прикиньте!

– Оксана! Ну, я же вот не гений! – сказала Полина. – И я не хочу быть гением. Зачем мне быть гением? Я хочу быть обычным человеком, как все. А не каким-то там гением. Ну, и что хорошего в том, если бы мы все были гениями? Думаешь, было бы хорошо?

– Как? – Оксана даже растерялась. – Ну, я, например, была бы гениальным ученым. И делала там всякие научные открытия. И вы бы их изучали в школе. Даша бы гениально танцевала и ездила по всему миру. Ну, а ты... а ты бы... а ты тоже в чем-то была бы гением. Каждый был бы гением!

– Оксана! Если бы все были бы гениями, то тогда бы не было гениев. Разве это не понятно? Гении только потому есть, потому что вокруг столько много негениев. Вот как! Почему человека считают умным? Потому что вокруг него много дураков.

– Как это так? Не поняла!

– Ну, что же ты никак не поймешь? Гений он один на миллионы. Может, даже на сто миллионов, – быстро заговорила Даша. – Их очень мало. Их не может быть очень много. А

если бы все были гениями, то они друг для друга не были бы гениями. А были бы друг для друга обычными людьми. И не было бы никаких гениев.

Оксана погрузилась в раздумье. Она раздувала щеки, с шумом выпускала воздух. Подруги внимательно наблюдали за ней. Как выразительно она думает!

– Ну, хорошо, – проговорила Даша. – Представь себе, что ты гениальный ученый. Представь только!

– Не хочу я представлять себя ученым. Не люблю я этих наук, – пробурчала Оксана. – Ну, их!

– Нет! Ты просто представь! Итак, ты гениальный ученый. И кроме науки, тебя ничего не интересует. Ничегошеньки!

– Как это ничего не интересует? – возмутилась Оксана. Щеки ее стали раздуваться.

– Ага! Так ты же гениальный ученый! И кроме науки для тебя ничего нет. Круглые сутки ты занимаешься только наукой. И ни о чем, кроме науки, не думаешь. Тебе не нужна ни любовь, ни семья, даже магазины тебе не интересны. Ты туда целыми неделями не заходишь.

– Как это? – напугалась Оксана и прижала руки к сердцу.

– А вот так! У тебя не будет ни мужа, ни семьи, ни детей. Одна только наука! Конечно, все тебя в мире будут знать, в учебнике будет твоя фотография. Будешь ездить на всякие там симпозиумы...

– Да зачем мне в учебнике фотография? Там подрисуют к ней усы и подпишут что-нибудь матерщинное. У нас пацаны

так делают.

– Ну, вот видишь! Так хочешь быть гением? А?

– Не хочу! Не хочу! Не хочу! – завопила Оксана.

– А то гений! Гений! – стала передразнивать Полина. –

Если бы в человеке самой важной была бы голова, он был бы головастиком. Представляете, какое это было бы отвратительное зрелище! Огромная голова!

– Да! – воодушевилась Даша. – Такая огромная голова, маленькое худенькое туловище и такие щупальцы-отростки. Это руки и ноги. Идет он, пошатываясь, мелкими шажочками. Еле-еле!

– Это вы про кого? – удивленно спросила Оксана. Глаза ее расширились.

– Про гения! – хором ответили Даша и Полина. Они широко улыбались.

– Вы что того? Совсем?

Оксана покрутила пальцем у виска. Полина и Даша рассмеялись. Полина захлопала в ладоши.

– С вами нельзя ни о чем серьезном говорить, – сказала Оксана. – Вам бы только всё высмеивать. Какие у меня легкомысленные подруги! Всё потому, что я очень доверчивый человек. А вы этим пользуетесь! Вот!

– Пойдемте уже! – простонала Полина. – Шаг пройдут – останутся! Так мы и до завтра не дойдем никуда. Какие-то черепахи просто!

Они пошли. Прошли мимо кафе «Молодежное», которое

еще не открылось. Сразу за ним была типография и редакция районной газеты. Как только они перешли дорогу, Даша остановилась. Подруги тоже. Посмотрели на нее с удивлением и неодобрением. Только же говорили об этом! И опять остановка!

– Дедушка! Здравствуйте! – поздоровалась Даша. – Добрый вечер!

На скамейке, оббитой старой, протертой до дыр в нескольких местах клеенкой, сидел старик в серой шляпе. В правой руке он держал тросточку, а левая лежала на колени. Серый пиджак был застегнут на все пуговицы. Он повернул лицо в сторону Даши. Но оно осталось совершенно неподвижным, ни одного движения. В глазах никакого интереса. Ничего не сказал, не кивнул и даже не моргнул. Подруги пошли дальше. Какое-то время они молчали. Они шли мимо большого дома, за оградой стояли высокие заросли с мелкой ранеткой.

– Чего ты, Даша? – спросила ее Полина. – Ты знаешь этого дедушку? Ну, с которым сейчас поздоровалась?

– А-а! – Даша отрицательно покачала головой. – Нет, не знаю. Дедушка как дедушка!

– Зачем же ты с ним здоровалась, если ты его не знаешь? Разве с незнакомыми здороваются?

– Понимаете, девочки... Тут такое дело...

Даша остановилась. Девчонки тоже.

– Я шла в школу, а он сидел уже здесь. И сидел точно же так, как сидит сейчас. Держал тросточку, а другая рука ле-

жала на колене. Только тогда я прошла мимо и не поздоровалась. А сейчас поздоровалась.

– Ну, и чего? – спросила Оксана. – Ничего не пойму!

– Но странно как-то! Вы же сами видели, я с ним поздоровалась сейчас и ноль реакции. Может быть, его парализовало, и он целый день сидит здесь парализованный, а никто этого не знает. Представляете, девочки?

– Если он сидит здесь на лавочке, значит, он живет в этом доме, – стала рассуждать Полина. – Не один же он живет. У него есть бабушка. И если бы его парализовало, она бы звала «скорую». И он бы здесь не сидел.

– А может быть, он сторожит дом, – предположила Оксана. – Ему нельзя ни с кем разговаривать, иначе его уволят. Он же тебе не будет говорить, что охраняет дом? Ну, вот! Это так, как я сказала!

– Ага! – кивнула Даша. – А тросточка – это его оружие! Так воров отделаешь ей, что мало не покажется! Сразу убегут от него.

Подружки засмеялись, представив, как дедушка бегаёт с тросточкой за ворами и колошматит их. А они вопят.

– Нет! Нет! Девочки! – закричала Полина. – Это йог! Конечно же, это йог! Он сидит в позе и как это... медитирует. Кровь медленно циркулирует, сердце бьётся редко... Он погружен в медитацию.

– А давайте вернемся и спросим? – предложила Оксана. – Может быть, он ответит.

– Чего спросим-то? Что он ёог?

– Ну, чего он сидит весь день на лавочке. Почему он в одной и той же позе.

– Ну... А давайте! Пойдемте сейчас и спросим!

Они вернулись назад. Дедушка сидел в той же самой позе. Остановились на некотором расстоянии. Мало ли что! Полина толкнула Дашу: давай ты! Даша набралась духа. Сделала два шага вперед.

– Дедушка! А дедушка! Вы слышите меня?

Ни малейшего движения! Как каменная статуя.

– Дедушка! Вы меня слышите? Если слышите, кивните! Головой, пожалуйста, кивните!

Старик поглядел на девчонок. Во взоре никакого интереса. Словно перед ним пустое место.

Они дошли до перекрестка. Здесь частный сектор заканчивался и вновь начинались многоэтажки. Через дорогу справа был магазин. Но сейчас его закрыли и там шел ремонт. Девчонки перешли через дорогу. Оксана остановилась. Подруги тоже остановились.

– Давайте, девочки, передохнем! Фу, что-то я устала. Идем-идем. Мне кажется, что мы уже целый год идем. Уже никаких сил нет.

Девчонки стояли, оглядываясь по сторонам.

– Девочки! А знаете, какое у меня любимое занятие на уроках? Никогда не догадаетесь! – сказала Оксана.

– Можно я угадаю? – сказала Даша, подняв руку, как на

уроке. – Ну, пожалуйста, можно?

– Ага! – кивнула Оксана. – Я разрешаю вам ответить.

Даша на некоторое время замолчала, придав лицу думающий вид. Потом скривила рот.

– Твое любимое занятие... твоё любимое занятие, – бормотала Даша. – Какое же твоё любимое занятие?

И неожиданно и весело выкрикнула громко, что подруги вздрогнули:

– Затаиться и молить всех древнегреческих богов, чтобы тебя не вызвали к доске! Вот какое у тебя любимое занятие.

Оксана надула щеки. Глаза ее метали гнев.

– Вот всегда ты так, Даша. Знала бы, не разрешила.

– А мне можно отгадать? Я уж точно отгадаю.

Это уже Полина. Она приподнялась на носочках.

Оксана покосилась на Полину. Вдруг тоже что-нибудь ляпнет.

– Только без глупостей! – предупредила она. – А то я вас знаю. Вам бы надсмехаться!

– Твое любимое занятие, – Полина сделала паузу. – Мечтать! Потому что ты мечтательница! Самая великая мечтательница!

Оксана удивилась. Такого она не ожидала.

– О чем мечтать, Полина? Я что-то не поняла.

– Ну, например, о том, что тебе подарят. Такой подарок сделают дорогуший-предорогуший! Ты будешь в восторге.

– А что мне подарят дорогушего? Очень даже интересно.

– Откуда я знаю, что тебе подарят!. И ты не знаешь. До самого последнего момента ты не знаешь, что тебе подарят. Вот ходят муж с женой по магазинам. И жена спрашивает мужа: «А что бы нам подарить Оксане? Давай это подарим? Нет! Не будем! Как-то не очень, позорно смотрится! Скажут, что мы крохоборы какие-то, не смогли ничего лучше подарить! Может быть, вот это купим? Нет! Тоже не будем! Это мы уже дарили. Только не помню кому. Может быть, Оксане и дарили! Нет! Не будем рисковать! А это слишком дорого! Не в коня корм! Вот это подарим! Милый, смотри какой хороший подарок! Ты не находишь, что это очень хороший подарок? Ей он обязательно понравится!» И купят в очередной раз какую-нибудь ерунду, которая тебе совершенно не нужна. Но ты будешь делать вид, что очень обрадовалась их подарку. Ах, какой замечательный подарок! Просто чудесный подарок!

Оксана задумалась, несколько раз надула щеки, а затем робко произнесла:

– Ну, вообще-то я об этом как-то не думала. Конечно, подарки – это очень важная часть жизни человека. Девочки! Вы не угадали! Моё любимое занятие – писать записки. Конечно, на уроках. Кто же дома пишет записки? Дома и так без всяких записок дел полно. А на уроках...

– Записки? – удивились подруги. – А почему записки?

– Да! Записки! А вы разве на уроках не пишете записок. Я уверена, что нет такого человека, который на уроках не

написал хотя бы одной записки. Все пишу записки.

– Вообще-то пишем тоже, – согласилась Полина. – Ну, иногда пишем.

– Вот и я пишу. Только писать нужно осторожно, чтобы учительница не заметила, что ты пишешь записку, и не отобрала ее у тебя. Поэтому надо скрываться.

– Да понятно! А кому ты пишешь записки? – спросила Даша. Ей стало интересно.

– Ну, кому... Кому я пишу записки? По-разному бывает, кому я пишу записки, разным пишу записки. Ленке Шмельковой, например. Она тоже любит писать записки. Правда, такую ерунду всё время пишет, потому что она не умеет писать хорошие записки. Еще с Аленкой Стрельченко. Она такая сорока! Всё подряд несет! С Юлькой Омельченко иногда. Ну, она в основном о любви, о пацанах. Она у нас самая крупная в классе. Такая здоровая, как десятиклассница.

– О чем ты пишешь? Ну, расскажи, Оксана!

– Ну, по-разному. Что в голову придет. Или что у тебя спрашивают, я тогда отвечаю. Ну, типа вопрос – ответ.

– Но всё-таки о чем? – спросила Даша. – Какие темы больше всего?

– Ну, о чем? – задумалась Оксана. – А! вспомнила! Сегодня на истории я написала записку Юльке Шеденко. Сначала она написала, а потом я.

– О чем записка?

– Ну, о том, что давали в столовой. Юлька не пошла на

второй половине в столовую. И она не знала, что дают в столовке.

– Как интересно! «Гарри Поттер» отдыхает!

Дашино лицо искривилось. Ей уже всё стало ясно.

– А кроме столовой, тебя еще что-нибудь интересует? Какие другие темы?

– Интересно! Вот вчера... Нет! Позавчера... Ой! Вчера! Вчера! Дашка Матрашилова мне передала записку, что Кузьмич – дебил. Кузьмич сидит на первой парте. Он у нее рюкзак спрятал на перемене. Она вышла, а он оставался в классе один. А когда она зашла, то видит, что ее рюкзака нет. А Кузьмич так нагло стоит и улыбается. Начался урок. Учительница давай ругаться, что она не готова к уроку. Потому что у нее парта голая, то есть на парте ничего нет, ни учебника, ни тетради, ни дневника. Она говорит, что у нее рюкзак спрятали. Она вышла на перемене в коридор, а когда зашла в класс, рюкзака не было. А ее рюкзак стоял возле парты. А у нее передняя парта. Учительница говорит, что надо на перемене готовиться к уроку, а не на уроке готовиться к уроку. Приготовились на перемене к уроку и идите гуляйте в коридор. Дашка говорит: «Как я могла подготовиться к уроку, если у меня рюкзак спрятали? Он стоял вот здесь возле моей парты. Я на перемене вышла в коридор. А когда зашла, рюкзака уже не было». Учительница говорит: «Я вам что должна еще и рюкзаки искать? У меня же других дел нет. Мне заняться больше нечем. Только остается вам рюкзаки

искать!» Дашка говорит: «Но я же не виновата, если у меня рюкзак спрятали. Не я же его сама спрятала. Он стоял вот здесь возле парты. Я на перемене вышла...» Учительница говорит: «Это я во всем виновата. Это я хожу на переменах по классам и прячу ваши рюкзаки. Мне же заняться нечем на переменах. Вот я хожу прячу ваши рюкзаки. Поставлю тебе двойку, тогда будешь знать!» А Дашка говорит: «За что двойку? Я что ли виновата, что у меня рюкзак спрятали. Он вот здесь стоял». А учительница говорит: «Огрызаться только умеете! Научили вас на свою голову! Слова нельзя сказать! Слово скажешь, тебе тысячи слов в ответ. А к урокам не готовимся. Вместо того, чтобы огрызаться, лучше бы уроки учили и на уроках бы учились. И к урокам надо готовиться на переменах. Урок начинается, всё должно быть готово! Двойками вон все обсыпались!» А Дашка говорит: «Но я же не виновата, если у меня рюкзак спрятали. Он вот здесь возле парты стоял. Я вышла на перемене...» А учительница говорит: «Да хватит одно и то же талдычить! Рюкзак, видите ли, у нее спрятали. У меня почему-то никто ничего не прячет. А у вас вечно что-нибудь прячут». А Дашка говорит: «Но я же не виновата, если у меня рюкзак спрятали...»

– Но довольно уже! – простонала Полина. – Дашка говорит. Учительница говорит. Учительница говорит... Сколько же можно! Затеяла одно и то же! Очень нам интересно! Что там твоя Дашка говорит...

Оксана надула щеки. И громко запыхтела.

– Не хотите слушать, я тогда не буду рассказывать. Сами же просили рассказать и сами не хотите слушать. Будете просить меня «расскажи, расскажи», а я не буду рассказывать. Не буду и всё.

Оксана отвернулась от подруг. Щеки ее надувались.

– Оксаночка! – пропела Даша. – Прости, пожалуйста, своих подруг непутевых! Мы больше никогда не будем тебя перебивать! Честное слово! Мы будем молча слушать всё, что ты говоришь! Говори, что угодно!

Щеки Оксанины сдулись. Она поглядела на подруг.

– Ну, ладно! – миролюбиво произнесла она. – Ну, вот, девочки. Знаете, сколько я уже записок написала! Ой! Сколько я их написала.

– И сколько? – спросила Полина. В голосе ее звучала ирония.

– Ну, конечно, на всех уроках не попишешь записки. На математике даже нечего и пытаться. Сразу заметит и отберет.

Молчание. Движение. Сопение. Переглядыванье. Вздыхание. Ускоренье. Замедление. Девчонки идут дальше.

Прошли мимо пятиэтажки. Следующая пятиэтажка, в которой жила Даша. Она завернули за угол и подошли к подъезду. На скамейке сидели две старушки в платочках. В домашних тапочках.

Даша поздоровалась. Следом за ней и подружки. Бабушки внимательно оглядели девчонок, как будто это были не девчонки, а террористы, которые заносили в дом бомбы. Столь-

ко подозрительности в их взглядах.

– Ой! Ты же на пятом этаже живешь! – простонала Оксана. – Представляю, какими мы будем, когда заберемся под самую крышу! Это надо альпинистом быть, чтобы жить на пятом этаже. Ты, как Карлсон!

– А мама говорит, что это очень хорошая нагрузка для организма, – сказала Даша. – Это полезно для здоровья, и мышцы ног хорошо укрепляет. Ноги станут стройными и красивыми. Такие упругие будут.

– Но нагрузка же всё-таки, – сказала Оксана. – Не могли лифт поставить. На всем экономят.

– В пятиэтажках лифт не ставят, – пробормотала Полина. – Потому что в пятиэтажках не положен лифт. У нас в городе вообще нет ни одного лифта. А вот когда я ездила с мамой в гости к родственникам в Новосибирск, ух я и накаталась на лифте. На всю жизнь накаталась! Целый день каталась!

Оксана фыркнула в своей привычной манере:

– На лифте она накаталась! А я на лошади накаталась! На настоящей большой лошади! Вот!

Полина и Даша хором выдохнули:

– Врешь ты!

– И ни капельки не вру! Больно надо! Мы с дядей Костей тем летом ездили в деревню. А там у нашего родственника дяди Юры есть собственная лошадь. Он на ней коров пасет. Он посадил меня на коня и прокатил. Вот так-то! А вы нико-

гда на лошади не катались. Только в кино видели, как катаются. А я на настоящей лошади каталась. Вот так-то! Съели?

– Прокатил? Как это прокатил?

– Ну, он сначала посадил меня наверх на лошадь к ней на спину. А потом взял за веревку, которая к морде лошади привязана. И повел лошадь. Она идет за ним, а я на верху лошади качусь. Сажу у нее на спине. Ой! Девочки! Если бы вы только знали, как это страшно! Я вся от страха тряслась, пока ехала. Высоко так! Вниз даже смотреть страшно! А лошадь идет, вся шевелится. Я то влево, то вправо. Ну, думаю, сейчас упаду! Как вцепилась со всей силой в ее длинные волосы... Ну, как их? В гриву! Вот! И держусь со всех сил. Клёво так! Офигеть!

Оксана выставила вперед большой палец. И чмокнула.

– Никогда бы не села на лошадь! – с завистью произнесла Полина. – Ни за что в жизни!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У ДАШИ ДОМА

Они поднялись на площадку второго этажа. На подоконнике, облокотившись спиной, сидел худой парень лет двадцати в серых шортах и полосатой майке. На ногах у него были черные носки и черные сланцы.

Он курил, выдыхая дым на оконное стекло и стряхивая пепел в литровую стеклянную банку, дно которой было закрыто окуркам, а сама банка изнутри была замазана пеплом. Он равнодушно глянул на поднимавшихся девчонок и отвернулся к окну. Но и в окно он смотрел с таким же равнодушием. Казалось, что он уже прожил сто лет, и его уже ничто не может заинтересовать в этой жизни. Для него всё закончилось.

– Девочки! – воскликнула Даша. – А давайте вместе сочинять нашу песенку! Хорошо?

– Как это сочинять? – удивились подруги.

– Да вот на каждую ступеньку по слову! И пока дойдем до пятого этажа у нас получится песенка. Ведь, что главное в песенке? Это ритм. А ритмом нам будут служить ступеньки! Да я ее уже и придумала, потому что такая песенка уже есть. Только слова переделаем и получится наша собственная песенка. Песенка друзей! Вот как! Давайте!

Даша подняла ногу и медленно, глядя на подруг, опустила ее на ступеньку повыше. Оксана и Полина тоже опустили ноги на лестницу, делая это замедленно и не сводя глаз с Даши. Даша запела:

Вместе весело шагать

Нам по лестнице,

Нам по лестнице,

Нам по лестнице!

И при этом распевать

Вместе песенки,

Вместе песенки,

Вместе песенки.

Раз ступенька,

Два ступенька,

Будет лесенка.

Раз словечко,

Два словечко,

Будет песенка.

Голосок у нее был тонкий. И звонкий.

– Здорово! – восхитилась Полина. – Классно!

– Это разве ты сама? – недоверчиво спросила Оксана. –

Ты, наверно, откуда-то списала слова. Конечно, списала.

– Сама! – прокричала Даша. – Вот прямо сейчас сложи-

лись слова. Я иду по ступенькам, а песенка сама складывается.

– А ты еще можешь повторить, а то я плохо слова запомнила? Пожалуйста! – попросила Полина.

Даша снова пропела песенку от начала до конца. Теперь можно было бы и вместе. Потому что это песенка для совместного пения. И вместе петь веселее.

– Девочки! Ну, вы запомнили слова? Тогда давайте вместе!

Девочки остановились. Полина что-то беззвучно прошептала. А Оксана искренне призналась, что ничего не запомнила. Ну, так, только отдельные слова.

Даша пропела еще раз. Занесла ногу над верхней ступенькой и скомандовала:

– А теперь вместе, девочки! Начали!

Подруги тяжело вздохнули. И запели.

Вместе весело шагать

Нам по лестнице,

Нам по лестнице,

Нам по лестнице!

И при этом распевать

Вместе песенки,

Вместе песенки,

Вместе песенки.

На этот раз подруги втроем пропели задорную песенку. И как только они закончили петь по третьему разу, так сразу и поднялись на пятый этаж, оказавшись перед дверью, за которой жила Даша. Дверь была оббита черной кожей.

– На земле всё-таки лучше жить,– сказала Оксана. – Выходишь из дому, и вот она земля, травка, деревья, собачка в конуре сидит. Всё у тебя под рукой! Надо жить на земле! А не залазить на самое небо.

– Вот мы и дошли! Вот мы и дома! – торжественно произнесла Даша.

Позвонила. За дверью раздались шаги. Звякнул замок и дверь растворилась. На пороге стояла Дашина мама.

– Ну, и где мы шляемся? Время-то уже сколько!– строго произнесла Дашина мама.

Это была полная черноволосая женщина с пухлыми губами, курносая. На ней был просторный халат синего цвета. Правую руку она держала в кармане. На лице ее было недовольство. Брови сходились у переносицы.

– А я девочек провожала! – звонко выкрикнула Даша. И стала скидывать с себя туфли.

– Я вижу, как ты их проводила. А может быть, это они тебя провожают? Но всё равно как-то очень долго провожаетесь.

Оксана с Полиной смутились. Прижались к дверному косяку.

– Да мы там,– пробормотала Оксана. – Там девушка на пустыре лежала. Мы шли, а она лежит. Мы подошли к ней.

– Пьяная что ли валялась?

– А вы откуда знаете, тетя Женя? – удивленно спросила Оксана.

Тетя Женя тяжело вздохнула. И покачала головой.

– Ну, трезвая же не будет лежать. Вы видели, чтобы трезвые лежали на земле?

– Тут, мам, такое дело. Полинина мама уходит на ночное дежурство. Вот! А Полина боится одна спать. Ей страшно.

– А что к бабе не пойдет? У ней бы переночевала.

– Да! Ну! – Даша махнула рукой. – Не нравится ей у бабы. Там дядя Саша всегда пьяный и кричит. Она его боится.

– Ну, пусть у нас переночует. Девочки! Ну, чего вы стоите на пороге? Проходите! Давайте! Давайте проходите! Не стойте!

В коридоре показался Иван, младший Дашин брат. Он учился в первом классе. У него были черные глаза и черные волосы, они даже блестели, как будто он их намазывал маслом. Он остановился, облокотившись на стену, исподлобья смотрел на подруг, которые снимали обувь, палец он затолкал в нос. Губы сердито искривились. Он то и дело надувал щеки. И как-то тихо пофыркивал.

– Ты уроки сделал, Иван? – строго спросила Даша. – Все учебники собрал? Тетради?

– Тебе надо, ты и делай! – выкрикнул Иван. Вытащил палец из носа и кулаком ударил по стене. – Достали уже со своими уроками! В школе уроки, дома уроки. Везде уроки! А сама шляешься черт знает где! Сама-то хоть сделала уроки? Ни черта ты не сделала уроки! Прошлялась!

– Мам! – простонала Даша. – А можно мы переночуем у Полины? И Оксана тоже. Мы втроем.

– А у нас нельзя? Двое лягут на кровать, а кто-нибудь на диван. Всем места хватит. И от нас пойдете в школу. Можно так?

– Но мы уже сказали тете Вале, что будем у них ночевать. Тетя Валя думает, что мы у них ночуем.

– Сейчас я ей позвоню и скажу, что будете у нас ночевать. Ой, Иван! Принеси мой телефон! Побыстрой!

– Мама! Ну, можно? Мы хорошо себя будем вести! Честное слово!

– А уроки вы сделаете? Пробеситесь и не сделаете уроки. И завтра нахватаетесь двоек. Я вас знаю.

– Ну, мама! Я же всегда делаю уроки. Ты же знаешь! Всё сделаем!

– Вот не получишь пятерки по математике и тебе не дадут стипендии. А то уже размечталась, что купишь на стипендию. Надо на пятерки сначала четверть закончить.

Отличники получали от главы по тысячи рублей каждый месяц, а старшеклассники – даже по две тысячи. Но учительница математики с пятого класса еще не влюбила Дашу. И получить у ней пятерку было непросто.

На уроках Даша никогда не баловалась. Но класс у них был большой и шумный. А поэтому учительница математики всех не любила. И пятерку она никому не ставила, хоть разбейся. За последнюю контрольную Даша получила четверку, хотя всё решила правильно, без единой ошибки. И даже еще помогла своей соседке решить второй вариант. В

контрольной у ней не было ни одной красной пометки. И все равно внизу красовалась четверка. Но ведь если всё правильно, должна быть пятерка! Даша тогда даже заплакала на перемене. Так ей было обидно.

– Ладно! Так и быть! Ночуйте у Полины! – проговорила мама. – Но только сейчас вы попьете чая у нас. Я кстати, купила очень вкусное печенье. А потом можете уже идти. Проходите!

Девочки чинно прошли на кухню. Даша суетилась. Налила и включила чайник. Потом стала доставать печенье и конфеты. На кухню зашел Иван, остановился на пороге. Посмотрел на девчонок.

– Ага! Совсем обнаглели! – сказал он. – Чай собрались пить! Ну-ну! Пейте! Ходят где попало, а потом чай у нас пьют. Оборзели!

– Это он чего? Что он так? – спросила Полина.

– Не обращай внимания на него!

Даша махнула рукой. Не обращайтесь внимания.

– Он всегда такой! Ну, его!

– Он злой? Да? – спросила Оксана.

– Иван злой? Нет! Он не злой, он добрый. Он просто любит напускать на себя строгость. Он такой!

– А дядя Костя у нас не строгий, – сказала Оксана. – Он хочет иногда быть строгим, а всё равно у него ничего не получается. Мама говорила, что поэтому от него ушла жена, что он не умеет быть строгим. А мужик должен быть стро-

гим.

– Учителю надо быть строгим. Иначе его не будут слушаться,– сказала Полина. – У нас в пятом классе был учитель истории, молодой. Он был не строгий. Ой, что у него на уроках творили! Пашка напишет «лох» и ему сзади на пиджак наклеет. Все хохочут, а он никак не может понять, над чем смеются. Брюки посмотрит: может, ширинка растегнулась... Смехотища!

– А добрых все считают дурачками и начинают потешаться над ними,– сказала Оксана. – Вот видите, получается, что умный обязательно должен быть злым. Ведь так же? Ну, девочки?

Даша даже сразу не нашла ответа и что-то нечленораздельное пробормотала. А Полина предпочитала вообще не рассуждать на подобного рода темы. Всё отвлеченное ей представлялось совершенно излишним. И непонятым.

Девчонки чинно прихлебывали чай, не злоупотребляя гостеприимством. Оксана вообще скушала только три шоколадных конфетки, а Полина вафельку и две конфетки. Хотя, если бы дома...

Иван заглянул на кухню и сразу же сделал хмурое лицо. Ему явно не нравилось, что девчонки едят конфеты.левой рукой он облокотился о дверной косяк и опустил голову. Вот принесло их!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ КАКОЙ ВКУСНЫЙ СУПЧИК

Дядя Костя был дома. Он стоял у плиты в фартуке, варил молочный суп и поджаривал хлеб. Младшая сестра Оксаны Марина сидела за столом, подперев щеку, и наблюдала за манипуляциями дяди Кости. Выслушав Оксану, дядя Костя виновато улыбнулся. Он был явно смущен.

– А я вот супчик молочный довариваю. Хлеб вот... Может, покушаете? А?

– Ой! Мы у Даши только напились чаю до отвала. С конфетами.

– Ну... вообще-то... Супчик же....

Дядя Костя замялся. Вытер руки о полотенце.

– Ну, Дашу мама же отпустила! И тете Вале уже сказали, что у них будем ночевать, – канючила Оксана. – Всё под контролем.

– Ну, так-то так, – закивал дядя Костя. – Так-то оно так!

– А я тоже хочу! Хочу! – крикнула Марина.

Подружки переглянулись между собой. Брать с собой мелкую никак в их планы не входило. Поглядели на Оксану. Оксана стала фертом и по-боевому выставила ногу вперед. Щеки ее раздулись.

– Вот еще! – воскликнула Оксана. – Как бы ни так!

– Ах, так! Так да!

Марина спустилась с табуретки. Поглядела исподлобья на подруг и зло, раздувая щеки, прошипела:

– Тогда и ты никуда не пойдешь! Вот тебе!

– Пойду! Пойду!

– Не пойдешь! Не пойдешь!

– Пойду! Пойду!

– Не пойдешь! Не пойдешь!

– Пойду – не пойдешь! Пойду – не пойдешь! Пойду – не пойдешь! – запела Полина. И замахала руками над головой.

Даша засмеялась. Марина поглядела на нее со злостью.

Дядя Костя выключил газ под сковородкой. Посмотрел растерянно на Марину, потом на Оксану, потом виновато произнес, вытирая руки о фартук:

– Ну, девочки! Ну, чего вы? Ну, что вы?

– А что она? – выкрикнула Марина. – Чего она?

– А кому я супчик варил, хлеб вот пожарил? Покушайте!

– Дядя Костя, а давайте мы покушаем, а потом пойдём? – спросила Даша. – Как аппетитно пахнет!

– Вот! Вот! И хорошо! И правильно! – радостно выкрикнул дядя Костя. – Садитесь! То есть присаживайтесь, девочки! К столу!

– Ладно! Пойдешь! – согласилась Оксана. – Если тебя дядя Костя отпустит. Тогда пойдешь.

– Дядя Костя! Ты меня отпустишь? – выкрикнула Марина. – Отпустишь же?

– Ну... Ну, я и не знаю даже... Ну... Как сказать...

– Отпустите, дядя Костя! – хором попросили Полина и Даша. – Пожалуйста!

– Ну, придется! Что уж там? Придется! Только покушайте! Покушайте, а потом пойдете! Но сначала покушайте!

Молочный суп был очень горячим, и девочкам приходилось дуть на каждую ложку, чтобы остудить. Кушали они медленно.

– Очень вкусный суп, дядя Костя! Супер! – похвалила Даша.

– Вкусненький! Очень! – поддакнула Полина.

– Только горячий страшно! Ух!

Это уже проговорила Оксана.

– Жрите давайте! – скомандовала Марина. – То будете тут до ночи сидеть! То же мне!

Но вот и съеден суп с гренками. Оксана сыто икнула. И выдохнула горячую струю.

Дядя Костя вышел на крыльцо провожать их. Фартук он уже снял.

– Только, девочки, осторожно! Смотрите! – напутствовал он их. – Мало ли чего! Не балуйтесь, пожалуйста!

– Будь спок, дядя Костя! – бодро выкрикнула Марина, показав круглешок из большого и указательного пальцев. Она помахала рукой.

Дядя Костя помахал им вслед и перекрестил. Он как-то извиняюще улыбался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

– Фу, нажралась! – выдохнула Полина. – А еще и дома что-нибудь сварим! Я люблю дома варить.

– Подкупить надо чего-нибудь вкусенького, – произнесла Марина.

– Ага! На какие шиши? У тебя деньги есть? – прошипела Оксана.

– А у меня сто рублей есть! Я богачка! – крикнула Марина. Девчонки остановились, удивленно глядя на мелкую. Ну, дает!

– Откуда у тебя? – спросила Оксана.

– От верблюда! Откуда еще?

– Ладно, не хочешь – не говори! Тогда купим мороженого. Хорошо?

– И чипсов можно, – сказала Полина.

– И кириешков не помешало бы, – добавила Марина.

– Тогда нужно не сто рублей, а гораздо больше, – спустила их с небес на землю Даша. – Размечтались!

Шли по улице девчонки.

День сентябрьский стоял.

И звенел их голос звонкий,

Ни на миг не умолкал.

Шли по улице из школы.
Не в припрыжку. Что ж бежать?
Потому что путь веселый
Не хотели сокращать.

Шли они, как будто вечность
Существует для троих.
Эта детская беспечность!
Как она прекрасна в них!

Мир настолько интересен!
Создан этот мир для нас,
Создан для стихов и песен
И для любопытных глаз.

Если времени вам жалко,
То бегом домой за стол!
Там любимая стрелялка,
До полуночи футбол.

Не услышишь птичек пенья,
Как кортеж летит, трубя...
И прекрасные мгновенья
Мимо и не для тебя.

Шли по улице девчонки.

Огоньки горят в глазах.

Шли без спешки, шли без гонки...

Что увидишь впопыхах?

Они зашли в магазин и долго стояли молча перед витриной.

– Девочки! Вы покупать что-нибудь будете? – наконец не выдержала продавщица. И строго посмотрела на них.

В магазине, кроме нее и девчонок, никого больше не было.

– Да! Будем! – ответила Марина, подходя к прилавку.

Она важно протянула сто рублей продавщице.

– И что теперь? – спросила та надменно.

– Дайте мне! Дайте мне! Вот дайте...

– Мороженое, может быть? Так?

– Да, мороженое! Мороженое! – согласилась Марина.

– Какое мороженое?

– Ну! Вот это! Дайте!

– Сколько надо?

– Ну... Четыре! Четыре дайте!

– На четыре не хватит. Добавить нужно!

– А на сколько тогда хватит?

– На три хватит.

– Тогда дайте такое, чтобы на четыре хватило! Подешевле!

Вышли девчонки из магазина с мороженым, а поэтому улыбки у них были очень счастливые. На этот раз они реши-

ли сократить путь и идти не через переходку, а через переход. Здесь было много-много железнодорожных путей, стояли огромные пустые железные вагоны, а вдалеке маневрировал тепловоз, время от времени подавая гудки. Над головой ажурная сетка проводов разного калибра. Как будто гигантский паук раскинул свою паутину.

– Ух, как страшно! – прошептала Марина. – Каждый раз, когда я иду здесь, мне так становится страшно! Меня даже трясет.

– Ты же видишь, что люди здесь ходят. И здесь специально на рельсы положили деревянные настилы для того, чтобы люди переходили, – сказала Оксана. – И нечего здесь страшиться.

Потом поглядела на сестру и взяла ее за руку. Ладонка у Марины была потная и липкая.

– Всё равно страшно! А вдруг из-за тех вагонов вылетит паровоз, а мы не успеем отскочить, и он всех нас задавит. Ой, боюсь!

Девчонки повернули головы к вагонам, за которыми, действительно, мог затаиться огромный, черный, страшный паровоз, который только и ждал, когда они ступят на тот путь, на котором он стоял, чтобы резко сорваться с места и всех их задавить. Такой коварный паровозё

– Ничего тут не вылетит, потому что здесь ходят люди. А если паровоз едет, то он едет очень медленно, потому что здесь ходят люди. И паровоз ползет, как черепаха. Сто раз

можно перебежать через рельсы, пока он доползет до тебя. «И еще когда он едет, он очень громко гудит», – сказала Даша. – Ууууу!

Но и Даше было страшновато. Они перешли через переезд, то и дело крутя головами то налево, то направо, и вышли на улицу Ленина, как раз к трехэтажному зданию, на первом этаже которого был банк и продуктовый магазин, на втором этаже магазин «Колорит», а на третьем этаже продавалась электроника и бытовые приборы. Здесь Дашина мама купила в кредит холодильник, когда еще дядя Ваня был живой. Этот холодильник у них стоял до сих пор.

– Вкусное мороженое! Прелесь! – сказала Полина.

– Было, Полина! – добавила Даша.

Марина вздохнула. Ей было жалко ста рублей. Надо было потратить на одну себя.

– Если мне дадут стипендию за первую четверть, я куплю много-много мороженого и всех вас, девочки, угощу! Вот тогда наедемся! – сказала Даша.

– Ну, ты же у нас самая отличная отличница! – прошипела Оксана. – Вечно выделываешься! Книжки всякие читаешь! Стишки пишешь! Поэт!

– Что ты, Оксана, психуешь? – сказала Даша. – Я что ли виновата, что ты книжек не читаешь? Тоже бы читала. Кто тебе не дает?

– И ничего я не психую! Это ты психуешь! А на меня говоришь!

– А вот и нет! Это ты психуешь! Вон как щеки надула. Как бы они у тебя не лопнули. Бабах!

– И ничего я не надувала! Они у меня такие есть щеки. А у тебя вон и щек нету! Как у старухи старой!

Оксана втянула в себя щеки.

– Да вот как раз и надула! Вон они у тебя какие круглые стали, как воздушные шарики. Еще в небо улетишь! Под самые облака!

– И ничего я не психую. Это ты психуешь!

– А чего бы я психовала? Мне не из-за чего психовать! Больно надо!

– Вот не получишь ты никакой стипендии, тогда напокупаешь себе мороженных, пирожных, чипсов всяких. Кириешек!

– А ты и рада будешь, если мне не дадут. Плясать будешь от радости!

– А нечего выделываться! А то вся такая прям! Фифочка!

– Ничего я не выделываюсь! С чего ты взяла?

– Да я же вижу, как выделываешься! Еще как выделываешься! Вся такая выделанная!

– Тебе, Оксана, очки нужны, чтобы ты увидела, что я не выделываюсь. С какой стати я буду выделываться? Ну, вот скажи!

– Это тебе очки нужны, чтобы тебя в школе Очкастой называли и из танцевальной студии выгнали. Вот!

– А почему это меня должны выгнать? С какой стати?

– А потому что, когда ты будешь танцевать и подпрыгнешь, очки у тебя упадут и тебя тогда выгонят. Вылетишь только так!

– Девочки! Хватит ссориться! Чего вы?

Подружки остановились и с удивлением поглядели друг на друга. Голос явно не принадлежал ни одной из них. И вообще это был мужской голос.

– А кто это сказал: «Девочки! Хватит ссориться!» – выпучив глаза, спросила Марина. – Кто из вас это сказал? Ты Оксана?

– Это я сказал: «Девочки! Хватит ссориться!» Я сказал!

Девчонки повернули головы. Перед ними стоял низенький старичок в широком костюме в полоску. На голове его была черная матерчатая фуражка, которые теперь можно увидеть только в музеях или в фильмах про старинную жизнь. В руке он держал черный пакет, в котором, судя по всему, был батон хлеба и упаковка молока или какого-то другого молочного напитка. Костюм сидел на нем мешковато.

– Вы меня не узнали? А? – спросил старичок.

– Узнали! – хором выкрикнули девчонки. И даже Марина, которая впервые видела этого дедушку присоединилась к хору.

– Мы вас видели на улице Тургенева за рынком, – сказала Полина. – Вот с этим же самым пакетом, как и сейчас.

– Правильно! – кивнул старичок. – Именно там вы меня и видели. И вы сразу решили, что я не простой дедушка, а

волшебный. Так же?

– А откуда вы про это узнали? – спросила Даша и отступила назад. Следом за ней попятнулись подруги.

– Если я волшебник, то я должен про всё знать. Вот я, например, знаю, что тебя зовут Даша, что ты хочешь стать танцовщицей или сниматься в кино. А еще ты пишешь стихи. И любишь снимать видео.

Даша смутилась и отодвинулась еще дальше. Марина спряталась у ней за спиной.

– А вот ты Полина. Так же? Тебя же Полиной зовут?

– Да! Я Полина. И что?

– А вот ты Оксана. А это твоя младшая сестра Марина, с которой вы часто ссоритесь и даже деретесь. Твоя заветная мечта Оксана, чтобы мама бросила пить, приехала из деревни домой, и вы опять все вместе жили. И дядя Костя тоже с вами бы жил. Дядю Костю вы любите.

– Ну, и подумаешь! – пробурчала Оксана. – Вы это от кого-нибудь услышали, а называете себя волшебником. Так любой может! Вы думаете, что мы дурачки какие-нибудь. А мы не дурачки. Вот Даша – даже отличница. Знаете, сколько она уже книжек прочитала! Ей стипендию платят. Вот! Мы вам не дурачки!

– Так ты не веришь, что я волшебник? Ай-я-яй!

Старичок улыбнулся. И закачал головой.

– А хочешь я скажу, что ты получила за контрольную по математике, которую вы писали вчера? На третьем уроке.

Оксана надула щеки. Опустила глаза.

– Это вы из электронного журнала узнали. А это нечестно чужие оценки смотреть. Получайте свои оценки и смотрите их. А чужие смотреть нечестно. Права не имеете!

– Значит, вы не верите, что я волшебник? Думаете, что я вас обманываю? Что я мошенник?

– А дядя Костя говорил, чтобы мы с чужими дядьками на улице не разговаривали, – сказала Марина. – Дядя Костя у нас умный. И мы его слушаем.

– Дядя Костя говорит правильно. Дядю Костю надо слушать. Он хочет вам только добра. А ты, Марина, иногда огрызаешься с ним. И даже ругаешься.

– А вот докажите, что вы волшебник! Докажите!

Оксана уперла кулаки в бока, выставила одну ногу вперед и наклонила голову. Щеки ее гневно надувались и спускались, надувались и спускались. Нижней губой она прикрыла верхнюю губу. И издавала какой-то бурчащий звук.

– Всё вам надо доказывать. А на слово вы уже никому не верите. Какие же вы недоверчивые. Ну, право!

– Да волшебники только в сказках бывают, – выкрикнула Марина. – Вот! Только в сказках!

– Разве жизнь – это не сказка? – спросил старичок. – Самая настоящая сказка!

– Нет! – ответила Марина. – Жизнь – это не сказка. Сказки – это для совсем маленьких. Они еще глупые и верят всему, о чем в сказках говорится. А мы уже взрослые.

– Ты уже взрослая и умная, Марина?

– Я уже в третий класс хожу. У меня даже троек нет. Ну, всего одна.

– Тогда, конечно, – кивнул старичок. – Ну, не верите, так что же тут поделаешь. Ничего не поделаешь. Если вы не хотите попасть в волшебный мир, то это дело ваше. Тогда я пойду! Мне не о чем с вами разговаривать. Прощайте!

Старичок повернулся. Приподнял пакет.

– Дедушка! – прокричали Полина и Даша вместе и шагнули вперед. – Погодите! Не уходите! Пойдите же!

Старичок снова повернулся к ним и улыбнулся. Какая-то у него удивительная была улыбка.

– Мы согласны! Но только, чтобы не страшно. И чтобы там всяких зомби и монстров не было. Мы их боимся.

– А ваши подруги, Марина и Оксана, согласны с вами?

– Да согласны они! Марина! Оксана! Скажите, что вы согласны! Ну, чего вы молчите? Скажите же!

– Ладно! – буркнула Оксана. – Только, если что, сами будете виноваты. А я тут ни при чем. Это всё вы!

Старичок сразу повеселел. Заулыбался.

– Ну, если, девочки, вы согласны, тогда крепко-прикрепко закройте глаза! Так надо! Нет, Полина, не надо закрывать глаза ладошками и подглядывать через пальцы. Если вы будете хитрить и обманывать, тогда ничего не получится. Никакого волшебного мира! Закрываем глаза!

– Полина! – прошипели подруги на нее. – Не выделывай-

ся!

– Да, ладно! Ладно! Не буду! Закрываю!

– Закрыли крепко-прикрепко! А теперь считайте до десяти. Начинаем!

Девчонки стали громко считать следом за старичком.

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять! И...

– А теперь открывайте глаза! Открывайте!

– Что это? Где мы? Девочки! – удивленно вскричала Даша.

Старичка рядом не было. Они стояли в бескрайнем поле, таком прекрасном от разнообразных и разноцветных цветов, над которыми кружились бабочки и стрекозы. А над ними огромное пронзительно голубое небо. Такое яркое-пре-яркое! И высоко-превысоко солнышко.

– Полина! Разве это ты? Или не ты?

– Ну, а кто же еще? Конечно, я!

Подруги переглянулись. Они так были удивлены. На них были длинные платья, такие, какие они видели на феях. А на головах маленькие золотые коронки. А какие чудесные туфельки! Глаз не оторвешь!

– Ты такая красивая, Даша! Настоящая принцесса!

– А от тебя, Полина, невозможно глаз оторвать! Какая ты красавица!

– А посмотри, какие красавицы Марина с Оксаной! Они просто прелесть. Ой!

Оксана и Марина сделали книксен, то есть пальчиками чуть развели платя и галантно поклонились. Это было так восхитительно!

– Мерси, девочки! Гран мерси!

Раздался шум. Они повернули головы и увидели карету, которая остановилась возле них. Карету везли четыре лошади, которые, остановившись, никак не могли успокоиться, перебирали копытами и потряхивали своими красивыми мудрыми головами. В гривы их были вплетены яркие ленточки. Тут же перед ними предстал мальчик в красной курточке и коротких зеленых штанах. На голове у него была большая черная шляпа, украшенная страусовыми перьями, которые колыхались в разные стороны. Он распахнул перед ними двустворчатую дверку кареты.

– Прошу вас в карету, прелестные принцессы! Вас ждут!

Они шагнули. Из кареты перед ними опустились ступеньки до самой земли.

– Но куда мы едем? Вы можете сказать?

– В замок! В королевский замок! Куда же еще! Мои милые принцессы! Это не просто замок, а волшебный замок, где вас ожидает столько чудес. Прошу в карету! Сильвупле!

Они поднялись в карету, и резвые кони понесли их вперед, в тот мир, где живет и никогда не умирает СКАЗКА ЖИЗНИ, без которой наша жизнь была бы такой серой.